

Сергей Джевага

Новая Эпоха

-- Легенды безымянного мира --

Сергей Джевага

Новая Эпоха

«Издательские решения»

2015

Джевага С. В.

Новая Эпоха / С. В. Джевага — «Издательские решения», 2015

За все в нашей жизни нужно платить. За успех и удачу, за пищу и воду. Чем выше цель, к которой стремимся, тем больше цена. А уж цена победы в войне и вовсе непомерна, так как складывается из крови и смертей, разрушенных судеб, потери близких. Готов ли я заплатить? Не знаю. Но вместе с тем сознаю, что иного выхода нет, и потому сражаюсь. С эльфами, с демонами, с теми, кто считает себя властителями этого мира. Я Эскер Гар, серый маг и дух Хаоса. Но я еще и человек, которому есть, что терять...

© Джевага С. В., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	35
Глава 4	56
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Новая Эпоха

Сергей Васильевич Джевага

© Сергей Васильевич Джевага, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава 1

Сон растаял как кусок сахара в горячей воде.

Еще пару минут я боролся, пытаюсь нырнуть обратно в теплую обволакивающую негу. Но когда утренняя сырость куснула пятки, сдался и открыл глаза, посмотрел на серый прямо-угольник посреди уютного пыльного мрака.

За чердачным окном покачивались ветви яблонь, в небе клубились отяжелевшие от воды тучи. Пахло мокрой землей и свежестью, шелестела листва, сонно и хрипло прокукарекал петух.

Сев, я выглянул в проем и мельком изучил окрестности: обширная вырубка, поле и фруктовый сад, большая потемневшая от времени изба и пара поменьше, коробки подсобных помещений – сараи, конюшня. Вдалеке у мрачной стены леса висела лента дороги, в утренней серости плавали плетни, скелет телеги...

Этот хутор последний. Дальше лишь глухие чащи вплоть до самого Аримиона.

Пора в путь.

Я нащупал в соломе меч и сумку, спустился на землю и отправился к колодцу. Наполнил кадку и поплескал на лицо, волосы, ежась от холода. Услышал шаги, скрип несмазанных петель, но не обратил внимания, окунул голову в воду. Вынырнув, увидел худого нескладного паренька, русоволосого, с простоватым деревенским лицом. На плече коромысло с тяжелыми ведрами, одет в грубые штаны и латаную рубаху.

Юноша застыл шагах в пяти от меня, хмурясь и о чем-то мучительно размышляя.

– Уезжаете?

– Да.

– Отец на поле. Вернется через час.

– Что ж, тогда передай ему мою искреннюю благодарность за хлеб и ночлег.

Покопавшись в сумке, я положил на край сруба серебряную монету. Парень посмотрел на деньги, потом на меня. В глазах отразилось страдание.

– Я мог бы отправиться с вами.

– Нет.

– Но я многое умею. Ухаживать за лошадьми, чистить оружие, драться...

– Нет.

– Я все равно сбегу! – упрямо поджав губы, заявил мальчишка. Бросил коромысло с ведрами, развернулся и кинулся обратно в амбар.

– Угу, – промычал я. Вызвал Астрального Следопыта и убедился, что юноша торопливо роется в углу амбара, извлекает из тайника какие-то свертки и плохонький меч, обернутый в гнилую мешковину. Видимо твердо решил увязаться за мной, или обогнать, встретить по дороге. И теперь понятно, отчего так настойчиво расспрашивал вчера о том, куда иду, чем занимаюсь.

Приключений парню захотелось. И наверняка изнывал от скуки последние месяцы, проклиная тяжелую работу, серость будней.

Вот только если отправится, жить будет интересно, но недолго.

Я сотворил несложное заклинание, пока седлал коня. И уже выехав на дорогу, услышал отчаянную ругань, доносящуюся из амбара – ноги парня вросли в землю: ни оторвать, ни сдвинуться. Волшебство развеется через час-другой. Как раз хватит, чтобы отец вернулся и обнаружил отпрыска на месте преступления, поучил уму-разуму.

Подстегнув коня, я проскакал к лесу. И когда грунтовка превратилась в узкую тропу, а по обе стороны потянулись густые заросли и буреломы, совершенно забыл об оставленном за спиной хуторе, его обитателях, их проблемах и желаниях.

Я опаздывал. И опаздывал сильно.

После боя в Храме и удара Терна пришлось отлеживаться довольно долго. Энергетические каналы тела, оболочки ауры и ядро прилично потрепало. И поначалу я валялся бревном,пил настои, приготовленные личным лекарем Эр-Илиана. Спал или плавал в глубокой медитации, что мало отличалась от сна.

Порой просыпался и чувствовал на губах новую порцию вязкой горечи, боль в мышцах и внутренностях, костях. Не выдерживал и опять уходил в пустоту глубокого транса, упрямо восстанавливал ток Силы, направлял тоненькие ручейки магии к поврежденным участкам тела.

Пошевелиться и сесть на постели я сумел лишь через пару дней. И тогда же ясно вспомнил о происшедшем, вскочил и бросился искать одежду, оружие. Но с первых шагов ноги подкосились, и мне пришлось ползти обратно к койке, долго дышать, отгонять темноту перед глазами.

Полное физическое восстановление заняло еще сутки. А вот ядро так и осталось тлеть, Мститель впал в дрему, зализывая раны и являясь лишь изредка во снах. Но на месте я не усидел, добрался до заброшенного особняка, где убедился в худших предположениях: следы успели остыть.

Служители пытались понять, что произошло. И конечно, творили свои заклятия, активно сорили, топтали и вообще разрушали, что можно разрушить, едва улавливая эфирные эманации. Магия светлорожденных чувствовалась едва-едва, путеводная ниточка портала истончилась до предела.

Пришлось рисовать фигуры Концентрации и Усиления, фильтровать крохи Силы. Но проделав сложнейшую работу, я снова разочаровался – открыть портал не получалось. Энергетические шупы рассеивались: будто скользили по гладкой поверхности. Грубые воздействия также не принесли результата. У меня попросту не хватало сил, чтобы взломать преграду, поставленную Катрин.

Естественно, я чувствовал эльфийское заклинание. Но просидев полдня в попытке распутать, махнул рукой. Бесполезно. Слишком сложно, и принципы построения волшебства неизвестны.

В сущности, вариантов осталось немного. Подождать, пока восстановиться ядро и попробовать заново пробиться через тоннель светлорожденных. Порыскать в округе Монрада в поисках подходящего места, где Сущее истончено, пробить новые Врата в Страну Теней. Или, если не повезет, помчаться в Аримион, найти там подходящую «проплешину».

Первый вариант отпал. Ждать около недели я не мог по многим причинам. Вторая возможность тоже исчерпала себя, когда бесплотные соглашения донесли, что мест с нужными параметрами нигде нет.

Остался лишь один выход.

Эр-Илиан оказался так любезен, что снабдил конем и оружием, деньгами, пропуском-подорожной. Я распрощался с хитрым служителем, и двинулся на Запад, надеясь восстановиться в пути и придумать более быстрый способ передвижения. Загонял лошадей, менял скакунов в первых попавшихся местечках и деревнях, либо попросту покупал новых. Спал редко и немного, ел в седле.

Такой ритм позволил преодолеть расстояние до границы в рекордный срок. Однако чем дальше, тем меньше становилось поселений. И так как создание прямого портала в Иглед я бы не осилил, пришлось беречь животных. Да и сам выдохся, падал от усталости, несмотря на поддерживающую магию.

Хутор, стоящий почти на границе Скифра попался как нельзя кстати. Я и отъелся, и ото-спался, дал отдохнуть коню. Правда, навязчивые расспросы сына хозяина порядком утомляли, но я с вечера заготовил необходимое плетение...

Скакун сообразил, что всадник витает в облаках, пошел гораздо медленнее. То и дело задерживался, обгрызал листики с кустов. Но пришпоривать я не стал. Если падет, нового добыть не удастся. И тогда придется идти пешком. Для заклятия левитации ядро слишком слабое, а вливать энергию в тело и бежать я не смогу. Точнее не смогу слишком уж долго. Чревато повреждением мышц и дальнейшим болезненным выздоровлением.

За все нужно платить, и магия не панацея, а способ немного обмануть мир.

Правда, придумал я и альтернативный вариант. А именно – хотел создать многоступенчатый портал вместо одно прямого. Энергии бы такой тоннель использовал гораздо меньше, но требовал сложнейших вычислений. Мало того, что следовало разведать параметры точек входа-выхода, последние предстояло связать между собой. В итоге получилось бы подобие бус, но...

...Но, откровенно говоря, для такой работы мне не хватало теоретических знаний. Я рассылал Астральных Следопытов, записывал данные на смятых листках, составлял таблицы и схемы фигуры, которую придется сотворить. И все ж частенько путался в формулах, в цифрах, забывал константы.

Расчеты шли чрезвычайно медленно. Но я не бросал гиблое дело по одной простой причине – работа отвлекала. От воспоминаний, от мрачных мыслей, от неприятного ощущения слежки, преследующего чуть ли не с самого Монрада.

Вот и сейчас я почувствовал чье-то незримое внимание. По спине пробежался холодок, а конь прятнул ушами и тревожно покосился на заросли. Но, раскинув дозорные щупы, я ничего не обнаружил. Лесное зверье, мелкая нечисть – и только.

Пожав плечами, достал из сумки записки и пару часов упрямо занимался вычислениями, творя заклятия прямо в седле. Занимался бы и дольше, но небеса наконец-то разродились влагой, по плащу застучали капли, начался редкий дождь. Пришлось спрятать бумажки и пришпорить скакуна.

В течение часа дождь превратился в затяжной ливень. Пару раз я гонял тучи заклинаниями, но те упрямо возвращались – слишком велика площадь облаков.

Ночевал в сырости. С ветвей обильно капало, мокрый еловый лапник холодил бока, а купол отвердевшего воздуха ничуть не помогал – вода повсюду. Я то и дело сушился заклинаниями, проклинал погоду, из-за которой не мог заниматься делом, и смотрел в темноту не в силах заснуть. Вновь и вновь отправлял Астрального Следопыта на разведку, рисовал сучком в грязи.

До границы Аримиона осталось немного. День. Возможно два пути, если дождь не прекратится и придется ползти в том же темпе. Я уже чувствовал гниlostное дыхание первой «проплешины», волшебные дозорные докладывали об истончении Сущего. Это внушало оптимизм – если удастся нырнуть в Логебор, дорога на север здорово сократится.

Пару раз тревожно фыркал конь, и я брался за меч, всматривался во мрак. Однажды заметил проблеск голодных зеленоватых глаз и наобум шуганул Знаком Воздуха. Душераздирающе затрещало, сверху сыпануло листьями, и огоньки исчезли.

Утром я обнаружил волчьи следы невдалеке и забеспокоился сильнее. Судя по отметинам, зверь гигантский, с годовалого бычка размером. Заклятие Поиска результатов не дало, кроме путаницы тех же следов. Тьмой тоже не пахло. Магией немного, но в пределах естественного фона.

И я бы выбросил сие из головы, признал очередным приступом паранойи. Да молчание охранных плетений, очень чутких, реагирующих и на мелочь вроде мышей, наводило на неприятные мысли.

Нечисть покрупнее балует? Или близость «проплешины» входит в диссонанс с плетениями?

Нахмурившись, я достал из сумки горсть табака, смешал с ветками полыни, найденной недалеко от тропы, и разбросал смесь вокруг стоянки – зверье или дикого оборотня отпугнет. Парой заклинаний, подсмотренных у Птица, замел и магические следы. Оседлал продрогшего коня и отправился дальше.

Мокрая дорога в который раз убежала вдаль извилистой змейкой, спряталась за мелкой порослью ельника. Показалась опять: лента, расцвеченная бесформенными пятнами грязно-серебристых луж, – темной колеей взлетела на невысокий холм, где и растворилась в сером неприветливом небе.

Поскальзываясь и недовольно фыркая, мерин с трудом взобрался на вершину. Открылось бескрайнее буро-зеленое покрывало лесов, над головой пробежалась рваная скатерть облака. Я натянул поводья и оглянулся, тут же заметил движение далеко позади. Но едва усилил зрение заклинанием, черная точка исчезла.

И снова ни гу-гу от Следопытов. Хотя обязаны предупредить и о крупном звере, и о призраке, демоне...

Дело дрянь. Предчувствия не обманули. И, похоже, неведомый преследователь решил проявить себя. Вопрос в другом... Зачем? Надоело просто красться попятам? Или хочет пугнуть, чтобы заметался, побежал в капкан?

«Хрен тебе! – мысленно погрозил я. – Не возьмешь».

Спешился и повел коня вниз по тропе, в овраг, под защиту раскидистых дубов и высоких ясеней. Привязал животину к ветке, а сам прошелся туда-сюда, подметив и непроходимые заросли по обе стороны тропы, и подходящее дерево.

Хорошее место для ловушки, в обход не проберешься.

Тонкий жгут энергии легко подпилит ствол намеченного ясеня. Я расставил несколько дозорных заклинаний, влил в надрез шарик закольцованной энергии, а контрольную нить протянул чуть поодаль. Отступил и парой Знаков Огня выжег глубокую яму, а дым прибил порывом ветра и заставил стлаться у земли. Мечом срубил несколько толстых прямых ветвей, заточил с обеих сторон и вонзил в горячее дно траншеи. Торопливо натаскал веток, накрыл сверху, присыпал палыми листьями, кусками мха.

Вроде неплохо. И самое главное – магией почти не смердит. Кто бы за мной ни увязался, небрежно замаскированную яму обойдет, заденет сторожевую нить.

Если ловушка сработает, и дерево кого-то зашибет – беспокоиться не о чем. И если неизвестный сумеет уклониться, тоже беды мало. Будет значить, что опасность я преувеличил. Со скрипом, но справлюсь... да.

Забравшись на коня, я перевел животину на крупную рысь. Стрелой взлетел на очередную возвышенность, начал спускаться. И только когда увидел впереди свежие следы копыт и сапог, почувствовал неладное. Но остановиться не успел. В следующее мгновение целый пласт размокшей почвы сдвинулся под копытами скакуна.

Мерин оступися, испуганно заржал. Качнулся вперед, и сразу назад, бухнулся задницей в мутную жижу, помчался с холма как на санках. Мелькнули знакомые дубы, показались островки мха и листов на дне оврага.

Взвыв, я сжал бока копытного коленями, заставляя прыгнуть. Но понял, что не получается, и вынул ноги из стремян, рыбкой нырнул вперед. Кувыркнулся, разбрызгивая грязь, больно ударился о корень и зашипел сквозь зубы.

Скакуну пришлось хуже. Перепрыгнуть яму он сумел, но задел нить-сторожку. Ствол ясеня с оглушительным хлопком взорвался, дерево закрипело и рухнуло посреди тропы, вбив животину в грязь по самые ноздри, переломив хребет и раздробив таз.

Когда звон в ушах исчез, я осторожно сел и мрачно посмотрел на подышающего коня. Сомнений не оставалось, меня преследовали. Причем неизвестный явно дал знать: не помогут

тебе никакие ухищрения, если захочу, прихлопну как муху. И то, с какой небрежной легкостью создал Лесную Тропу – излюбленный прием крупной нечисти, – также заставляло напрячься.

Но самое главное – я не почувствовал ни Эха в Астрале, ни перехода через локальный портал-кольцо.

Вывод напрашивался неприятный. Не маг, и не дух. Да и не Высший демон, ибо Тьмой не смердит... Бог. Кто-то помельче, из лишенных Престолов родни Мрона и Алара. Но в таком состоянии не справлюсь и с крепким служителем, не говоря о Падшем. Заклятия получались слабые.

Скрипнув зубами, я встал и подошел к коню. С жалостью погладил по шее, ударил ножом в артерию, обрывая мучения. Но когда посмотрел на окровавленные пальцы и лезвие, в голове зашевелилась идея.

Магия Крови? Можно попытаться. Пока шел через густонаселенные районы, отмел мысль как самоубийственную. В каждом городке и деревеньке обязательно стоит храм, оборудованный следящими артефактами. Любой намек на запрещенную магию – и густая сеть дозорных нитей отследит преступника с точностью до сотни шагов. Не успеешь сказать «мама», как тебя похлопают по плечу, помогут забраться на тумбу у столба и подбросят дровишек в костер.

Да и сейчас в пограничных поселках и крепостях священнослужители уловят всплеск. Но сюда отряды карателей доберутся нескоро, если вообще решатся выехать...

Торопливо отстегнув седельные сумки, я сложил их на тропе и достал свои заметки, мельком глянул на расчеты, сверился с картой. Одна из точек выхода как раз там, где нужно. И энергии как раз хватит.

Что ж, не зря сушил мозги.

Сосредоточившись, я сотворил заклятие, еще раз вонзил нож в остывающее тело мерина, резким движением стряхнул алые брызги на землю.

Тело мерина окутало багровым паром, тонкие ручейки крови впитались в грязь, образовали фигуру Перехода: простую, без якорей Стихий и узлов, связывающих энергетический каркас с управляющим. Раздалось шипение, и в лицо дохнуло жаром. Почва высохла, в небо ударил столб густого пара.

И уже сделав шаг вперед, я ощутил движение Силы. Охотник сообразил, что дичь убегает через кроличью нору, кинулся преследовать, но слишком поздно, кровавый туман закупорил тоннель за моей спиной.

Краткая секунда небытия – и овраг обратился равниной с жесткой, как трехдневная щетина порослью высушенной травы и голым кустарником. Лес остался далеко позади, стоял грозной молчаливой грядой, тяжелые тучи цепляли верхушки деревьев.

Среди заброшенных захиревших и мертвых полей виднелся маленький приграничный городок.

Потемневшие от непогоды крыши, покосившийся шпиль единственного храма, деревянный частокол, заросшие колеи грунтовок – скорее уж разжиревшая деревня, вскормленная торговыми караванами и путниками. От которой, к тому же, явственно тянуло Тьмой.

Я не увидел ни дыма, ни птиц, кружащих над помойками. Не лаяли псы, не слышалось голосов. Одна из створок городских ворот покосилась, вторая и вовсе лежала на земле. На дороге одиноко торчала телега со сгнившим скарбом, а крыши ближайших к частоколу домов напоминали скелеты из-за проглядывающих сквозь солому и черепицу балок перекрытий.

Местечко тонуло в безмолвии, казалось черной кляксой на фоне ржавой равнины. Сочилось Тьмой как язва гноем, но пока как-то вяло и сонно. На грани слышимости чудились чьи-то голоса, я чувствовал чей-то злобный разум, несколько сотен более тусклых сознаний.

Демоны... и как минимум один – Высший. Лучше бы обойти от греха подальше, но рядом с прорывом Тьмы можно попытаться уйти в Логебор.

Сбросив наземь седельные сумки, я перевернул содержимое. С собой взял самое необходимое: оружие, воду, немного провизии, смену одежды и деньги. Но едва сделал шаг, как содрогнулся от невидимого удара. Вспышка головной боли чуть не бросила наземь, из иных планов бытия донеслось эхо страшного хруста.

Преследователь рвал преграду на канале портала как плотную паутину, хотя та была сделана из сырой Магии Крови.

Выругавшись, я отбросил сомнения и заторопился напрямик к городку. Тьма прикроет ауру, позволит ненадолго спрятаться. Потом можно придумать, что делать дальше. Либо встретиться с врагом лицом к лицу, договориться и выяснить отношения, либо обмануть, попробовать сбежать.

Поле закончилось достаточно быстро, в траве стали попадаться битые кирпичи, горы щебня. Порыв ветра принес запах тлена и запустения, протяжно засвистел в кустах, в бойницах невысокой крепостной стены.

Заглянув в арку ворот, я невольно поежился, но пошел дальше. Холодно как зимой, под ногами хрустел абсолютно черный снег. Небо мерзкого грязно-фиолетового цвета, низкое и тяжелое, солнца не видно. Будто дерюгу растянули. Дома утопали в зыбкой мгле, недобро зыркали исподлобья темными окнами. То тут, то там мелькали бесцветные тени – то ли духи усопших, то ли первые гости из Преисподней. Грязные прозрачные тряпки, порой превращающиеся в силуэты людей с лицами мертвецов.

Как же я не люблю подобные места! Но то, что таковых становится больше, недобрый признак. Мир катится по наклонной, разваливается благодаря войне, учиненной Древними. Боги выпивают энергию из Сущего, усиливают свои Престолы. Потоки Силы искажаются, и кое-где возникают Астральные бури, влияющие и на заклинания, и на бесплотных существ. А кое-где Стены Мира дают трещины, и в дыры смотрит Тьма, прорываются твари из Преисподней и Логэбора, хлещет первородный Хаос...

Смогу ли я что-то сделать? Даже вместе с Мгиром, с нашим новым Орденом? Кто знает.

Впрочем, сейчас есть более насущные дела. Для начала нужно избавиться от погони, а потом и самому настигнуть эльфов, отбить женщину, которая дорога для меня и которая вызывает яркие, почти юношеские эмоции.

По порядку, Эскер. Все по порядку.

Глубоко вздохнув, я пошел вперед, настороженно осматриваясь по сторонам. Под сапогами глухо и безжизненно скрипел снег. Стылый воздух обжигал кожу и сковывал мышцы. Отвратительно воняло горелым и гнилым. Кривое русло улицы убегало вперед, пряталось за покосившимися и темными от непогоды домами.

Щеку пощекотало. Еще и еще. С тихим шорохом с неба посыпались пушистые хлопья черного снега. И тут же раздался ритмичный скрежет, смутные голоса.

Насторожившись, я скользнул подкрытие стены ближайшей постройки, схватился за рукоять меча и приготовился сотворить Знак.

Скрип усилился, в снегопаде проявились силуэты двух человек, толкающих хлипкую тачанку. Лица иссохшие и уродливые, тела изможденные, едва прикрытые лохмотьями. Деталей не уловить, но четко видно – глаз у монстров нет, просто выгоревшие провалы.

Слепцы хрипели, волокли повозку вдоль улицы. Зачем? Почему? Куда? Неизвестно. Но я распознал низших демонов, и позволил пройти мимо. Наверняка вселились в тела в каких-то работах...

Когда скрип утих, осторожно прокрался через задний двор, вновь выглянул на улицу. И чуть не дал голосом позорного петуха, когда едва не наткнулся на еще одно существо, прячущееся в укромной тени.

Женщина. Наверное женщина. В прошлом. Среднего возраста, возможно красивая. Но сейчас – высушенный манекен, обтянутый тонкой кожей, с остатками волос на черепе. Одетая в

выцветшие тряпки, лицо больше похоже на череп, настолько худое. Глазницы пустые, с почерневшими краями, рот гниющий и слизистый.

Она сидела на скамейке и месила снег костлявыми пальцами в разохшемся тазу. Вроде занималась стиркой. Упрямо, механически.

Я поежился и аккуратно обошел по кругу. Никакой реакции. Демоны воплотились недавно, и плохо владели доставшимися им телами. Но расслабляться не стоит, твари по определению непредсказуемые.

Стиснув зубы, направился к центру местечка. И уже не удивлялся, когда видел «сплетничающих» женщин, «играющих» детей. Городок превратился в театр марионеток, где каждая фигурка выполняет отведенную роль. Но за внешним подобием жизни и суеты лишь пустота. А пустота избавлена от желаний, страстей, эмоций... и потому навредить не может, хоть и кажется жуткой.

«Проплешина» разочаровала. Тьма клубилась и плескалась здесь в каждой подворотне, в каждом окне, но слишком жиденькая, чтобы с ней можно было слиться, спрятаться от взгляда преследователя. Или чтобы она достаточно подточила грани Сущего.

Ирн как-то рассказывал, что путь в Логебор можно найти лишь в достаточно старых разломах, где потоки Тьмы сочатся не тонкими ручейками, а текут реками. Где само мироздание и реальность обращается в прах, растворяется в пустоте и Хаосе. И на границе этого ничто можно создать тропку или колодец, попасть в Страну Теней.

Как подобное получилось у эльфов под Монрадом, я не знал. Но подозревал, что Логебор содержал в себе и бесчисленные отражения Великого Леса, изначальных Рощ. Вроде той, где встретил призрак Остролиста. А леса всегда охотно подчинялись светлорожденным. Пускай тени, пускай лишь отблески, но они помнили своих истинных хозяев и господ.

Тем не менее, сие приводило меня к очередному неприятному выводу – ни спрятаться, ни сбежать не получится. Можно прыгнуть в портал, но на длинный переход собственных сил не хватит, да и на выходе получится отбивная. И Мститель пока дремлет. Зализал ли раны, неизвестно. Зализал?..

Вопрос, направленный в подсознание, остался без ответа. Однако я таки почувствовал вялую ненависть, исходящую из бездонной пропасти души. Словно кто-то лениво приоткрыл один глаз и заворчал: мол, не мешай, отстань.

Что ж, придется рассчитывать исключительно на себя. Ну и на подручные средства вроде Тьмы, демонов. Немного крови и соответствующий ритуал пробудят Мрак. Возможно, смогу указать и цель. Пока преследователь будет разбираться с тварями, напитаю мышцы энергией, попытаюсь максимально разорвать дистанцию.

Хоть какой-то план – лучше, чем никакого. Главное, не попасться потом на зуб пробудившихся Низших. А вариант встречного боя я не рассматривал. Не осилю. Хотя по идее можно ранить и бога.

Уничтожить существо, способное менять облик, быть как живым, с кровью в венах, так и чистой энергией, духом – невероятно трудно, если вообще возможно. Но еще в храме Ордена Правды успел заметить, что в человеческом обличье оболочки Терна жестко структурированы. Сила кристаллизовалась в определенном порядке, в схему, рисунок, повторяющую людскую.

Если разрушить контур, то вполне вероятно и сам Древний получит повреждение. Вопрос в другом – чем? Наверняка для подобного удара необходима недюжинная мощь...

Задумавшись, я остановился в нерешительности рядом с местным трактиром, посмотрел на трухлявые доски облицовки, бездонные оконца и покрытую черной наледью вывеску, где красовалась надпись: «Добрый Пивовар». И очнулся лишь в тот момент, когда за спиной вдруг скрипнул снег, раздался вкрадчивый голос:

– Путник, продай душу.

Сказать, что струхнул – не сказать ничего. Но орать я не стал, падать в обморок тоже, хотя когда неизвестный заявил о себе, ощутил ауру: мерзкую, гниlostную, бурлящую от Тьмы и Голода.

Высший. Тот самый, которого почувствовал на подходе к местечку.

Но то, что заговорил, не ударил с ходу, кое о чем свидетельствовало. Или решил поиграть с едой, или связан какими-то ограничениями...

Встречаются и такие. Демоны-перевертыши, демоны-торговцы. Само Сущее отчего-то мешает им использовать мощь на полную. Вот и ищут лазейки. Либо обманывают, испрашивая разрешения у смертных войти в дом, вкусить еды и прочее. Суккубы прикидываются соблазнительными девушками, перевертыши – родными и близкими. Либо торгуются, предлагая кое-какие услуги: клад найти, соседскую жену соблазнить, врагам подгадить. Стандартная цена – душа.

И на этом фоне меня посетила новая идея.

– Сколько дашь? – спросил я. Обернуться и смерил незнакомца взглядом.

– А сколько просишь? – поинтересовался тот в свою очередь и потер пухлые ручки.

Состроив задумчивую мину, я напоказ смахнул с ресниц налипшую снежинку. Тем временем порыскал взглядом и быстро убедился: спокойно, других тварей рядом нет. И хорошо, так как от двух-трех не то, что отбиться, убежать нереально.

А между тем неожиданный покупатель оказался весьма занятным типом.

Первая ассоциация, что пришла на ум – мяч. И действительно, тварь будто состояла из сплюснутых воедино шаров. Туловище – один сплошной живот, плавно переходящий в тройной подбородок, а затем в лысину. Ножки коротенькие, руки как сосиски, мордочка пухленькая и хитрая. Мелкий вздернутый нос едва помещался между двух рыхлых щек, широкий как у жабы рот постоянно кривился в кривоватой ухмылке. И ладно, кабы не общая бледность, да зубы как у ножовки, отчего улыбка казалась хищной и зловещей. Одет в камзол и бриджи гниlostно-желтого цвета, и мягкие туфли с закрученными рогаиками носками – наряд чиновника или деревенского модника.

Но нелепая внешность меня не обманула. Под жиром скрывалась мрачная Сила. И теперь ясно, почему Низшие в местечке такие вялые. Крупный хищник отобрал львиную долю еды, выпил горюшок, не оставив мелочи почти ничего.

– Ну, так как? – поинтересовался демон, лукаво подмигнул. – Говори цену, путник. Или загадывай желание. Исполню.

– Так-таки и выполнишь? – хмыкнул я с сомнением.

– В пределах разумного, – ответил толстяк, засунув пальцы в карманы камзола и покачнувись на носках. – Бессмертия не дам. Долголетие разве что... но на определенных условиях.

– Не интересуется, – отмахнулся я.

– А-а-а, – протянул демон, прищутив глазки. – Воин... врагов хочешь наказать?

– Возможно, – нейтрально обронил я, окинул изучающим взглядом уродца, приподнял бровь. – Но справишься ли?

– Справлюсь, – важно заявил толстяк. – Я Варлаг, седьмой сын матушки Баалон, потомок Ключника.

Мерзкий жирдяй потешно надул щеки и выпятил грудь. Видимо пытался показать несуществующие мускулы. Но я никак не отреагировал, борясь с дурнотой. По остаточной ниточке последнего заклятия прикатился отзвук тяжелого удара, чужой ярости. Боль полоснула по нервам огненной плетью.

Магия Крови хороша: проста, мощна. Но опасна, ибо мало того, что способна иссушить заклинателя, так и практически всегда создает неразрывные связи между волшебником и волшебством. Причем зачастую даже если кровь использовалась чужая. Подохнуть от отката раз

плюнуть, да и проклятие схлопотать недолго. А если противник достаточно умелый, то ударит вдоль образовавшегося канала...

- Седьмая вода на киселе, – процедил я сквозь зубы, едва очнувшись от последствий эха.
- На слабо берешь, путник? – хмыкнул демон.
- Я должен знать, что покупаю не kota в мешке. Душа у меня одна.
- Справедливо. Но поверь, Договор строгий, крепче стали.
- Скреплять кровью?
- Конечно, – оживился толстяк. – А чем же еще?

Снова сделав вид, что мучительно заколебался, я прислушался к неслышной поступи, к шуму чужой магии и сообразил, что преследователь справился с преградой, воплотился рядом с городком. По каналу связи пришла волна чужого возбуждения, азарта, и контакт оборвался – заклятие исчерпало энергию.

Вздрогнув, я напоказ крикнул и махнул рукой:

– Ладно! Ты убиваешь любого, на кого укажу. Немедленно, без отсрочек. И если не сможешь, то душа остается со мной. Никаких дополнительных условий.

– Идет! – поспешно воскликнул жирдяй. Маленькие красные глазки вспыхнули жадностью, демон достал из кармана свиток, развернул и важно пояснил: – Человеческая кожа, лучший материал... Вот, гляди, все пункты учтены.

– Убери тот, что насчет предоплаты, – сказал я.

– Опытный, – скусился толстяк, когда не удалось обмануть. Провел ладонью над свитком, и строчка исчезла. – Колдун что ли? Хорошо, колдуны товар штучный.

Но я не обратил внимания на бормотание, достал нож и кольнул палец, капнул кровью на кожу. Демон просто надкусил ладошку, размазал черную слизь рядом с алой кляксой. Посмотрел с удовлетворением, хитро ухмыльнулся и спросил:

– И где твой враг, путник?

– Там.

Я указал пальцем в начало улицы, где материализовался огромный волк. Зверь как призрак возник в воротах и целеустремленно рванул к нам. Действительно крупный, мускулистый, с горячей ядовитой зеленой взором. Там, где ступали лапы, черный снег таял и испарялся, возник странный эффект – казалось, что животное оставляет дымный след, что мир за его спиной стирается, тонет в тумане. Снежинки, падающие с неба, напротив пугливо разлетались прочь как мухи...

Даже я поежился, ощутив волну Силы, катившуюся перед оборотнем. Лицо же толстяка следовало видеть. Он праздновал победу, предвкушал пир. Но едва поняв, с кем предстоит сражаться, дрогнул и побледнел сильнее.

Беда большинства демонов, и в особенности тех, кто редко покидает Преисподнюю – редкое скудоумие и повальная, доходящая до абсурда наивность. Изначально хищники, они, конечно, привыкли и хитрить, и изворачиваться. Но чаще, встретившись с людьми, признавали в них слабых и действовали с позиции грубой силы. Или относились с пренебрежением.

Глупость и самоуверенность частенько и губили порождений Преисподней в нашем, вроде бы, сравнительно дружелюбном, наполненном едой мире. Выживали или самые сильные, или те, кому посчастливилось набраться опыта, не подохнув в первый же день. Они и становились настоящей бедой, чумой, опустошающей деревни и города.

Варлаг не принадлежал ни к первым, ни ко вторым. Действительно – седьмая вода на киселе. Могучий, но совершенно тупой, жадный и голодный, только-только вырвавшийся из своей клоаки. Он напился мертвых душ и возомнил, что сможет без особых хлопот отобрать такую у живого...

– Ты издеваешься? – взвизгнул жирдяй. – В курсе, на кого указал?

– А какая разница? – ответил я, медленно отступая по улице и удерживая взглядом бегущего волка. – Вот мой враг. Убей!

Демон вжался в стену трактира, и начал растворяться в гнилых досках. Но свиток в его руке загорелся мертвенным серым светом. Варлаг вздрогнул, обреченно и ненавидяще взвыл, поняв – обманут. Договор заставлял действовать, исполнять условия. И толстяк с хрипением кинулся вперед по улице, покатился как чугунное ядро, с каждым шагом увеличиваясь в размерах, раздуваясь. Походя снес собачью конуру, забор, размолот в труху конюшню, превратившись в гигантскую каменную глыбу...

Волк ничуть не испугался. И когда оба встретились, зверь кувыркнулся через голову. Воздух пошел мелкой рябью, черные жучки снежинок трусливо разбежались прочь. Ни молний, ни яркого света... просто неуловимое движение – и к земле припал высокий черноволосый мужчина в желтоватых рыцарских доспехах. Вскочил на ноги, и ударил кулаком в набравшее скорость ядро.

Грохнуло так, что заложило уши. Ближайшие постройки просто смело как мусор, развеяло по ветру. Поднялся купол пыли и черного дыма. Затрещало, закрипело, завывало.

Я едва успел спрятаться под прикрытием надежного каменного дома, у которого таки сорвало крышу, переждал бурю. Через минуту выглянул на улицу, и увидел лежащего на земле Варлага. Демон стонал и рычал, пытался подняться. Из многочисленных ран брызгало черным, голова и плечи дымились, худели и съеживались, превращаясь в нечто зловещее, состоящее из праха и грязи, с омутами глазниц, заполненных Тьмой.

Но принять истинный облик толстяк не успел. Стена пыли и дыма раздалась в стороны, выпустила мужчину в золотистых доспехах с ярко-зелеными светящимися глазами.

Жирдяй истошно завизжал. И сразу зашевелились сугробы, брызнули в небо гигантским фонтаном. В виде громадного черного облака накрыли Древнего, поглотили и растворили. Сияние доспехов потухло, звук шагов перекрыли свист и шорох. От искусственного смерча потянуло настолько злобной силой, что я содрогнулся и попятился.

Но не прошло и секунды, как вихрь развалился, развеялся, ворохи снежинок просто исчезли. Древний подошел к поверженному демону, и опустил ладонь на черный обугленный череп.

В тот же миг я ощутил укол Силы, перешел на Истинное Зрение и увидел короткий пламенный клинок, ударивший из руки бессмертного. Лезвие с легкостью рассекло облако черноты, разорвало на мелкие лоскуты. Со стороны, без помощи магического взора это выглядело менее зрелищно. Тварь просто задымилась сильнее, начала оседать на землю кучей золы. Но пыталась бороться, била и колола, царапалась, а мужчина с видимым усилием сдерживал...

Лучшей возможности могло и не представиться. Я мысленно взмолился: «Помоги! Помоги же!...» И когда уже хотел бросить настолько гиблое дело, спастись бегством, Мститель отозвался.

Нет, дух Хаоса дремал, и выползать из тех глубин, куда забрался, не хотел. Просто дал мизерную толику мощи, отражение. Ее не хватило, чтобы я преобразился, но ладони обожгло рукоятью, в руке возник меч: полупрозрачный, истекающий белесым паром – призрачное подобие клинка Мстителя.

Ярость ударила хлесткой пощечиной, в глазах помутилось. Но я сумел устоять, скользнул к Древнему и размахнулся. Естественно, тот заметил угрозу, попытался уклониться. Но издыхающий демон сразу вцепился с удвоенной яростью, ручейки и иглы Тьмы пронзили доспехи, сковали. Мужчина страшно закричал, и словно эхом ему вторил гром в небе.

Призрачный клинок с огромным трудом врезался в клейкий как смола воздух и завяз у шеи врага. Я зарывал, теряя рассудок, надавил. Преграда исчезла, лезвие провалилось в пустоту. Раздался звук рвущейся плоти, хруст костей, и я рухнул на колени: опустошенный, потный, с дрожащими руками, и без какого-либо оружия.

Несколько долгих мгновений тело Древнего стояло. А затем вспыхнуло слепящим белым светом, превратилось в туман, смешавшийся с облаком Тьмы – останками Варлага. Хлопнуло, меня придавило к земле, и осыпало пылью, обломками, на окрестных улицах размело мусор и снег. Но взрыв получился не таким уж и сильным, буря утихла, не начавшись, а в земле остались две воронки – одна оплавленная, вторая – покрытая изморозью.

Два противоположных начала взаимно нейтрализовали друг друга.

«Удалось, – мелькнула изумленная мысль. – Расчет оправдался. Лишившись Престолов, потеряли и в могуществе... и энергетическую структуру можно повредить, ударив энергетическим же оружием...»

Меня согнуло в приступе кашля, голова тошнотворно закружилась, а в груди поселилась лютая стужа – один-единственный выпад выпил и ту Силу, что дал Мститель, и мою собственную, ядро опять притухло. Но вяжущая усталость не мешала чувствовать ликование пополам с удивлением.

Ведь, правда, получилось. Глупый демон попался как нельзя кстати, взломал защиту Древнего, а я на пару с Духом Хаоса довершил дело. Но самое главное – и всемогущего бога можно убить!

Посидев на месте несколько минут и кое-как отдышавшись, я заметил в подворотнях сгустившиеся тени, услышал рычание за пеленой снегопада, и очнулся. С трудом встал на ноги, направился прочь. Но не сделал и пары шагов, как раздался голос:

– Я отомщу.

Сердце обволокло холодом, мелькнула шальная мысль – схожу с ума. Но взгляд нашупал круглый предмет в сугробе. Из снега выглядывали волосы, глаз и часть обескровленного лица, подрагивающего в гримасе бешенства.

Быстрая проверка показала, что Силовой фон достаточно низкий, хоть частица изначального контура и сохранилась. Следовательно, тратит на способность думать и говорить, пользоваться же активной магией – ни-ни.

Живучий мерзавец.

Несколько секунд я боролся с усталостью и отупением, решал, как поступить. Но любопытство пересилило, и вернулся, подошел к голове. Помолчал, с содроганием глядя на страшный мяч, не нашел ничего умнее, как сказать:

– Здравствуй, Клен.

– Хр-р-р...

В рот Древнего набилось слишком много снега, и как ни пытался выплюнуть, не получалось. Я помог, попутно очистил лицо и смахнул снежинки с ресниц и бровей. Люблю смотреть в глаза при разговоре. Настраивает, так сказать, на доверительные отношения.

– Т-ты пожалеешь, – просипел бог Воды и Морей, пронзив меня взглядом, полным бесильного гнева.

– Уже жалею, – устало признался я. – Зачем ты меня преследовал?

– Неважно.

– Врешь. Важно. Скорее всего, ты видел бой в Храме, ощутил всплески энергии. Что за тип, заинтересовавший Терна? Почему отпустил живым? Нет ли скрытых мотивов? А что если появится возможность использовать против остальных, возвыситься?.. И ты сопроводил до границы. Здесь внимание брата ослабло, ты решил пообщаться... но на своих условиях. Припугнуть, расколоть.

– Ты слишком много знаешь.

– Да, такие долго не живут. Но я и умею немало. Вот тебя подловил.

Нижняя губа Клена презрительно оттопырилась, взгляд потяжелел. А я снова поскреб затылок и вздохнул. Легкого общения не получится. Древний – далеко не демон, что вечность просидел в Преисподней, и которого проведет любой достаточно умный обыватель. Нет, тут

надо иначе... но как? И что вообще делать с необычным трофеем? Говорить с ним не о чем. Закопать? Забрать с собой?

«Вот бы в Долину приволочь, – мелькнула шальная мысль. – Голова бога – сам по себе могучий артефакт. Изучать и изучать... но нельзя, братики и сестрички набегут, разберут Башню по кирпичикам. С другой стороны можно и поторговать. На любой товар есть купец...»

Идея прорезала мрак уныния светлым клинком. Я задумчиво посмотрел на Запад.

Верно. Финт с мечом Равновесия неплох. Когда нужно, узнаю точное местонахождение Терна. Но темный не обязательно поступит, как надеюсь. Что если не надеяться на случайность, а провернуть комбинацию в несколько ходов, подтолкнуть в нужную сторону? Причем не самому. Вызовет подозрения, да и смогу ли – большой вопрос. Нет, прикрываясь другим игроком... более видным.

Аларом, к примеру.

Но лезть к Светозарному просто так – самоубийство. Слушать не станет, сразу в пепел. И не помогут мне ни магия, ни Мститель. А вот если обменять свою жизнь на нечто весомое, может и выгореть...

– Ладно, – миролюбиво сказал я, окинув Падшего оценивающим взглядом. – Не хочешь говорить, Клен, не будем.

– Мое имя Кальвин! – отрезал Древний.

– Чем тебе не нравится настоящее имя? – хмыкнул я, удивленно приподнял бровь.

И как исторгает слова без легких? А-а-а, вот где Бобик зарыт! Импульсами энергии гонит воздух через обрубок гортани. Изобретательно.

– Неважно, – чересчур поспешно ответила голова. – Я приду к тебе ночью, отправлю в кошмар!

– Нет, ну попробуй, – спокойно произнес я. – Твоя Сила сейчас кормит демонов в Преисподней, живительного источника Престола нет. Давай я тебя брошу в костер, а? Жутко любопытно, как скоро сумеешь заново нарастить кожу. Боль сейчас чувствуешь? Проверим?... И если повредить мозг, отразится ли на ментальной оболочке? Безумный бог... Звучит.

Рука потянулась к рукояти ножа за голенью сапога. Я вытащил, красноречиво провел пальцем по лезвию и перевел взгляд на Древнего. И видимо в моих глазах отразилось нечто такое, что тот, помолчав, нехотя ответил:

– Имена важны.

– Почему?

– Это первая магия людей. Знающий истинные имена, получает над предметами и существами частичную власть. Они вызывают колебания Астрала, а заклинания структурируют магические токи.

– Ты описал принцип действия серой магии.

– Да. Мы крепили к предметам, животным и явлениям названия. Потом пришли иные народы и расы, неосознанно занимались тем же. Сущее постепенно перестало различать голоса. Но первый язык запомнило... наш язык, нашу письменность, наши мысли.

– У эльфов цивилизация вроде бы древней, – заметил я скептически. – И развитей.

– Я ошибся, – процедил сквозь зубы Древний. – Ты невежда.

– Зато открыт для новых знаний, – парировал я. – Просвети меня, пожалуйста.

– У светлорожденных нет того, что есть у нас, – нехотя ответил Клен. – Дара Творца. Мы использовали Кровь, чтобы давать Имена. Но в то время слабо понимали, что с этим делать. А остроухие находились на пике мощи, питались силой Древнолесья...

– Вы очнуться не успели, как эльфийские рощи заволокли мир, – подхватил я. – А твое имя созвучно с тем, что на Древнем. И хотя брали тотемные, дабы деревья защитили и прикрыли в случае чего, но опасаясь.

– Я не боюсь. Мы создали эту магию, она подчиняется нам.

– Хм... А если я найду нечто новое в мире, как-то обзову, то получу над ним власть?

– Не все вещи могут подчиниться человеку, некоторые просто продолжают существовать как и раньше. Но обретают иные свойства, стабильность. На них можно влиять. Или нельзя, если не хватит сил, воли.

– Любопытно, а смогу ли повлиять на тебя? И как назвать что-либо? Есть особый ритуал? Ты говорил о крови.

Поневолле я заинтересовался. Изначально и не надеялся, что Кальвин сообщит нечто важное, пригрозил просто, чтобы заглушить собственный страх перед божеством. Вот так, по-человечески низменно постарался втоптать в грязь, дабы ощутить уверенность в себе, расхрабриться. Но слова Древнего направили мысль в неожиданное русло.

Имена? Очень любопытно. По всей видимости, уставные заклęcia Серой магии содержат таковые: где-то неизменные, где-то искаженные. И потому волшебство Ордена остается наиболее могучим в мире. Кроме, естественно, колдовства Терна и его сородичей. Остальные техники представляют собой грубые попытки «докричаться», влиять на энергетические схемы Сущего. Где-то удачные, вроде эльфийской волшбы, где-то ограниченные – наподобие умений школы Леонида, шаманства орков.

Но любопытнее мысль о самом наречении. И правда – осталось ли что-то, чему можно дать имя? Нечто новое? Или очень старое, но глобальное, великое?..

И причем здесь кровь? Жертвы? Может быть. Отдавали свою силу, а взамен получали право изменять или дополнять энергетические схемы предметов, растений, существ. Делали эдакие ключи, маркеры...

В виски вместе с кровью застучалась дикая догадка. Но я отмахнулся от нее, признав глупостью. Посмотрел на голову Древнего и подумал, что тот, скорее, темнит. Но сейчас ослаб, мы оба слабы... только в отличие от бога, мое ядро помаленьку накапливает Силу. И есть кое-какой резерв.

Будто прочитав мысли, Клен скривился, но промолчал. Похоже, решил, что раскрыл достаточно тайн.

Рычание и шаги раздавались отовсюду. Где-то в снегопаде появлялись и пропадали смутные человеческие силуэты. Слышались скрипы, сопение, какие-то удары.

Низшие, избавленные от Варлага, отбирающего львиную долю пищи, пробуждались. И явно чувяли, где произошел всплеск Силы, постепенно стягивались со всего города. Пока меня спасало лишь то, что выдохся, почти не светился ни в Астрале, ни в иных тонких мирах.

Одно-единственное заклинание станет криком, вызовет лавину. Но и ждать я не мог, так как не знал, останется ли Клен таким же незащищенным и позже.

Колебался я недолго. Усевшись в сугроб и поморщившись холоду, глубоко вздохнул и сосредоточился. Быстро убедился, что Силы в окружающем пространстве нет, вбирать нечего, резанул руку и собрал пригоршню крови, речитативом пропел активирующее заклęcie, капнул на лоб Древнего.

Первыми пропали звуки. Тихое шуршание снега отдалилось и растворилось в тишине. Резь в запястье поблекла, мрачная улица в черных сугробах и покосившиеся дома смазались. Издалека пришли иные ощущения: хрустальный звон, неразборчивый шепот чужого сознания.

И боль.

Чужие мысли жгли почти физически. Потому что думал Кальвин на языке Древних, на языке Силы. Лишь благодаря своей крови с частичкой Предков, я не сгорел сразу. Ничего не понимал, слова серой магии давно потеряли для нас смысл, стали устойчивыми конструкциями, но видел, чувствовал, слышал...

Сознание бога фонтанировало мутным потоком образов, запахов и звуков, ярчайшие вспышки слились в частую череду: люди, места, сражения и разговоры, споры и путешествия.

Одни я отбрасывал, едва взглянув, иные просматривал вскользь, в третьи погружался с головой и почти переживал.

Вспышка.

Я оказался в какой-то сумрачной пещере. Пахло сыростью, плесенью и дымом, вдалеке дробно стучали капли. По стенам бегали тени, алые отблески факелов, виднелись силуэты множества людей в грубых одеждах, стоящих вокруг кряжистого старца. А тот водил пальцем по стене, говорил нараспев. Следом тянулись кровавые следы, быстро обращались тоненькими ниточками бледного пламени...

И я узнал узор. Схема мировых Сил, показанная призраком шамана в Логеборе. Колдующий старик собственно и являлся Остролистом.

Образ помутнел, меня пинком вышибло из разума Древнего. Я ощутил жуткий холод продрогших конечностях, услышал сонное шуршание снегопада. Попытался пошевелиться, с трудом разбил онемение.

Падший не сводил с меня бешеного взгляда.

– Я выпью твою душу! – пообещал Падший бог.

– Ага, – прохрипел я невнятно, пытаюсь прийти в себя. Но перед глазами еще витал образ величественной пещеры, в ушах набатом отдавался громовой голос Остролиста. – Ладно...

Под черепом сгустилась концентрированная боль, и я не выдержал, застонал. Видение рассыпалось, раскололось на десятки фрагментов. Но ловить и восстанавливать, не было времени. Астральные дозорные кричали об опасности, Тьма в окнах домов бурлила, готовая выплеснуться наружу. Слышался нарастающий топот и злобное рычание – демоны, наконец, почуяли пищу.

– Я тебя убью, – упрямо повторил Кальвин. – Найду и убью.

– Тебе не придется меня искать, – перебил я. Заметил выскочившего из пелены снегопада иссушенного Низшего в одежде купца, пнул тварь в грудь, кулаком сбил наземь второго зубастого уродца. Без колебаний подхватил голову Древнего и засунул в сумку, уклонился от загребущих лап очередного демона и как заяц рванул к ближайшим воротам...

Глава 2

– Отрешись, избавься от посторонних мыслей. Представь, что ты пустой кувшин, постепенно наполняющийся ключевой водой.

– Да, мастер, – пробормотал широкоплечий коротышка, крепко зажмурился и надул щеки.

«Видимо, действительно думает, что суть медитации именно в этом», – мелькнула у мага тоскливая мысль. Ирну до зеленых белок захотелось громко многоэтажно выругаться, но порыв он подавил, хотя и ценой неимоверных усилий. Попытался вспомнить, сколько дней прошло по внутреннему времени волшебной поляны с момента начала обучения гномов, но сбился на третьей неделе.

Тьма! А ведь самые хилые студенты гентского университета через пять суток входят в транс, начинают чувствовать токи энергий. И, как правило, спустя полмесяца устанавливают крепкую связь с ядром, принимаются разучивать Знаки. У недомерков же сдвигов вообще не наблюдалось. Хотя лично отбирал претендентов, искал яркие «искры». Из сотни молодняка выбрал лишь двоих, и они действительно подходили. Юные по меркам подгорного народа, но с хорошими задатками... Так в чем дело?

Ответа Птиц не знал. Пробовал различные техники обучения, искал зацепки. И порой ему казалось, что нащупал путь, но всякий раз ошибался, усилия пропадали пропадом.

Так может пора плюнуть и выразить Вельдру сожаление?! Тем более и взялся больше из политических мотивов.

Засомневавшись, Ирн украдкой посмотрел на гнома. И словно в ответ сквозь полог ветвей пробился узкий солнечный лучик. Пощекотал лицо коротышки, перепрыгнул на ткань скромной рубахи, облегающей широченные плечи, пробежался по рельефной мускулатуре рук. За пятном света тут же погналась мелкая муха, но промазала и запуталась в короткой и черной как смоль бороде, отчаянно зажужжала.

Недомерок напрягся, стараясь не обращать внимания на насекомое. Но через минуту не выдержал и распахнул глаза, виновато вздохнул:

– Простите. Не получается. Может, у меня нет способностей?

В карих глазах плескалась настолько искренняя мука, что Птицу стало стыдно за желание все бросить. Маг подавил ответный вздох, беззвучно произнес: «Ты обещал». Помедлил и добавил вслух, ровно и максимально мягко:

– Неужели считаешь, что я тратил бы время впустую?

– Нет... наверное нет, – согласился гном. Шмыгнул носом и обернулся к сидящему поодаль сородичу: то ли за поддержкой, то ли в надежде узреть, что хоть у приятеля дела идут лучше.

Наивный.

В отличие от Вагни, которого забрали из кузнечных подмастерьев, рыжий из младшего набора подгорной гвардии. Голова как валун, а челюстью можно пробивать стены, запястья толще бычьей ноги. Вспыльчивый задира, каких поискать. Да и имечко соответствовало: Дьярви, что с гномьего – смелый.

Отличный воин. Но как маг он умел меньше товарища. Вот и сейчас ерзал, щипал траву пальцами, ругался под нос и с недоверием глазел на туманную стену вокруг поляны, на творящиеся вокруг чудеса.

Хотя чего греха таить, посмотреть-то было на что. У кромки леса слышался треск, хлопки, Витар расстреливал маленькими шаровыми молниями деревянную колоду. Чуть дальше пятеро учеников чертили на земле разнообразные фигуры. Вслед за острыми палочками тянулись дорожки пламени, из травы били ручьи, прорастали цветы и ледяные кристаллы,

в воздухе проявлялись фантомные образы хрупких дворцов. С другой стороны веяло неприятными запахами кислот, серы, пара ребят возилась с колбами и ретортами, переносными жаровнями.

У алхимиков явно не получалось. Из котла сердито валил черный дым, били искры, слышалось пыхтение и бульканье. А парни, чумазные и измученные, хрипло спорили, суетились вокруг сосуда, ссылая порошки, бросая травки. Рядом крутился и Сворл, изредка комментировал, но тоже не понимал, отчего дело не клеится, больше играл в великого мага-наставника. Однако привыкшие к причудам Грина студенты не обращали внимания на реплики, продолжали спасать зелье.

Сообразив, что пауза затянулась, чародей откашлялся, с нажимом произнес:

– Нужно заставить дар работать. И потому еще раз. Метод Кувшина.

Коротышка посерьезнел, коротко кивнул и закрыл глаза, а Птиц сотворил следящее плетение и привязал к одному из кристаллов в лаборатории. На досуге можно будет просмотреть показания, заняться вычислениями. Хотя и так ясно, что с астральной составляющей в порядке. То ли от природы не чувствуют силы, то ли просто не представляют, как плести. Воображение тоже необходимо, без него магией не овладеть. Лишь гибкий разум служит проводником к тому, чего нельзя осязать...

Впрочем, найти бы еще мифический досуг. Отслеживание состояния Сущего, ловля божественных следов, укрепление защиты Долины и бытовые проблемы отнимали львиную долю времени. К тому же текучку нет-нет, а разбавляли авралы, вроде позавчерашнего события.

Задумавшись, Ирн попытался выстроить схему действий, определить дела, которые нужно закончить поскорее. Но не успел толком поразмыслить, как очнулся от шума. Сначала раздались тихие, но напряженные голоса, быстро сорвались на громкую брань, а затем послышался удар и крики, возня, сопение.

Потерев воспаленные от недосыпа и напряжения глаза, чародей вскочил на ноги и сам еле-еле сдержал проклятия. Свор и Дьярви! Ну, конечно!..

Когда родился конфликт, и что послужило камнем преткновения, Птиц не знал. Но вскоре после прибытия коротышек заметил, что между Грином и рыжим пробежала кошка. Старший ученик частенько придирался к огненному, выговаривал за реальные и мнимые провинности, а недомерок метал молнии из глаз, терпел. Хотя происходило такое редко, чаще студенты демонстративно избегали столкновений. Маг в свою очередь наблюдал, но вмешиваться не торопился, слишком усталый и задерганный для решения мелких дрызг. И прошляпил миг, когда простая неприязнь переросла в нечто большее.

Как часто случается взрыв последовал неожиданно. Еще несколько минут назад Дьярви делал вид, будто поглощен медитацией, а Сворл засыпал советами горе-алхимиков. И вот оба катаются по траве, бестолково брыкаются и кусаются, рвут волосы, воют как дикие коты.

Более сильный и опытный в драках недомерок вскоре оказался сверху. Придавил юношу коленом, принялся с уханьем и кряканьем молотить кулаками, словно опускал молот на наковальню. И не замечал, как на пальцах старшего ученика возникла яркая синяя искра, способная прожечь грудную клетку и сварить сердце.

– Прекратить! – рявкнул Ирн, едва успев заблокировать заклятие Грина.

Приказ подействовал как ушат холодной воды. Остальные ученики, до сих пор зачарованно наблюдающие за дракой, очнулись и бросились разнимать. Пятеро едва сумели оторвать коротышку от жертвы, с трудом скрутили. Трое навалились на парня, почувствовавшего свободу и дернувшегося для контратаки. Но попав в тиски, Грин разочарованно заорал:

– Отпустите! Он отлынивал... отлынивал, ленивый урод! Гномы предатели!

Как последнее утверждение сочетается с предпоследним, Сворла видимо волновало мало. Но в таких случаях искать логику бесполезно, обиды зачастую выдумываются по ходу дела.

– Кто кого предал, – пропыхтел в ответ рыжий, согнувшись под весом нескольких не самых мелких ребят. – И у меня почти получилось, если бы не пнул сапогом.

– Закрыли рты! – отрезал чародей, почувствовав, что в драку вот-вот кинутся все. Замешательство в глазах большинства уступило место злости, которую как яд распространяли Грин и Дьярви.

Недомерков ненавидели скорее по привычке, по традиции. Он как умел, сглаживал острые углы, вбивал в головы новую идею, объяснял. А когда посчитал, что победил, плохо прикопанное дерьмо коварно хлопнуло под ногами. Хватило двух кретинов, напомнивших, заново раздувших угли. И пусть Ирну самому не нравилась затея союза с Кланами, он понимал, что без помощи Долина падет. Понимал, и не собирался отдавать на откуп чьей-то прихоти завоеванное таким трудом.

Голос наставника вновь отрезвил: многие дрогнули, стали неуверенно переглядываться. Птиц перевел дыхание, но тут на помощь Грину пришел худой темноволосый паренек с загнутым клювом носом и близко посаженными черными глазами:

– Бородатые не друзья нам. И мы будем помнить...

– Что ты можешь помнить, мальчишка? – взорвался маг. – Ты под стол пешком ходил, когда пал Лугар и осадили Гент. Родители рассказали?! А уверен, что видели всю картину? Уверен, что поведали правду, а не слухи, переходящие из уст в уста?.. Дураки! Я учу вас думать! Думать! Но в итоге получаю слепцов и глупцов... я... я разочарован.

– Но учитель, – попытался возразить парень, ошеломленный вспышкой обычно спокойного чародея. – Мы...

Что хотел сказать аколит, так никто и не узнал. Пока подбирал слова, задыхающийся от бешенства Ирн сумел овладеть собой. Обвел присутствующих тяжелым взглядом и сухо обронил:

– Вы подчинитесь. Услышу хоть одно слово, замечу неверный жест – и отправитесь туда, откуда пришли. С заблокированным ядром. А ты... и ты... отныне работаете в паре, живете в одной комнате.

Палец Птица обрекающе указал на черноволосого смельчака, которого, как вспомнил, звали Стерном, и на Вагни. Оба вздрогнули, синхронно отшатнулись друг от друга. На лицах проявилась брезгливость пополам с недоумением, в глазах мерцало: да ни за что! Хотя быстро сообразили, что сейчас можно и послушных сыграть, а позже учитель отгадет, размякнет...

«А вот шиш вам!» – мстительно подумал Ирн. Сотворил миниатюрный пространственный тоннель и нащупал давненько подзабытые метки, вытащил из лаборатории четыре грубых стальных браслета, бросил на траву.

– Что это? – вырвалось у кого-то из учеников.

– Подарки, – неприятно усмехнулся чародей. – На каждого по штуке... Надеть!

В последнее слово добавил самую малость внушения, отчего и Стерн и Вагни дернулись, торопливо схватили по наручнику и защелкнули на запястьях. И лишь потом очнулись, посмотрели на железки как на змей.

– Зачем? – рискнул спросить чернобородый гном.

– Для укрепления взаимопонимания, – охотно объяснил Птиц. – Снять невозможно, и не пытайтесь, рубить руки тоже не советую. Если попытаетесь отойти друг от друга дальше, чем на десять-пятнадцать шагов, будет о-о-очень больно. А если один умрет, погибнет и второй.

Судя по побледневшим физиономиям, до них начало доходить. Коротышка молчал, переваривая услышанное. Парень хватал ртом воздух как рыба, выброшенная на берег. С трудом обрел дар речи и гневно воскликнул:

– Но я не хочу!

– А разве я спрашивал, чего ты хочешь? Не мытьем, так катаньем, но работать вместе научитесь. Я не желаю видеть, как мои ученики рвут глотки однокашникам.

– Учитель...

– Пошли вон.

Пробрало. Студенты, сбежавшиеся со всех концов поляны, попятились в испуге, а Стерна и Вагни как ветром сдуло. На лицах оставшихся читалась уйма выражений – от настороженности до неприкрытого ужаса. Но Ирну... или точнее Мгиру, что ненадолго вернулся из тьмы забытья, было наплевать. Стерпят, сделают выводы.

Вообще-то в старом Ордене применялись наказания и жесточе. За мелкие оплошности пороли розгами, неуспеваемость и лень лечили прививанием маний, отчего аколиты зубрили предметы до упаду, не имея возможности остановиться. А за серьезные провинности могли и в какую-то тварь превратить, заставить служить в образе пса или коня. Убийц и воров либо сжигали на месте, либо изымали души и заточали в темницах артефактов, попутно заставляя делиться энергией...

«Иные времена, иные нравы, – напомнил себе Птиц. – Как бы ни плевали в сторону Мрона, его эксперимент кое-что изменил к лучшему. И хорошо, что нашелся альтернативный способ урезонить зубастых щенков».

С браслетами повезло. Думать не думал, когда изготавливал, что придется применять. Работал над Гасителями Дара для Шеда, в процессе испортил несколько заготовок. А потом, поддавшись приступу домовитости, переделал битые контуры в нечто сходное. Ну, и забросил за ненадобностью в грудку таких же артефактов-безделушек, благополучно забыл.

Вот и пригодились.

Мысль оборвалась, когда взгляд упал на удерживаемых товарищами скандалистов. Дьярви успел остыть. Смотрел исподлобья, щерил зубы, но уже не пытался вырваться. Каким бы ни был забиякой оставался воином, солдатом. А вот Грин с заплывшим глазом, ссадиной на щеке и кровоточащим носом выглядел жалко, но раскаиваться не собирался. Обращался к ядру, создавал новые атакующие плетения, сжигая взглядом низкорослого противника.

Долго это продолжаться не могло, ведь мальчишка тратил энергию. И когда выдохся, медленно повернул голову к наставнику. Иступленное бешенство в зрачках уступило растерянности... и тут же вспыхнуло вновь.

– Я не надену эту штуку.

– Тебе придется.

– Нет! – внезапно вскричал Сворл, дернулся и сумел отпихнуть одного из товарищей, второму поставил подножку и бросил на третьего. Конвоиры потеряли равновесие и попадали вповалку, а парень вывернулся, разбежался и рыбкой влетел в кусты, растаял в туманной пелене.

Тьма! Так и пожалеть недолго, что позволил демону обучать детишек ратному искусству.

На языке вертелась очередная порция брани, но вместе с тем чародей испытал и новый приступ усталости. Он пытался делать по-настоящему мудрых магов, проводил через испытания... да, порой жестокие, несправедливые, но всегда разъяснял, отчего так поступает, просил прощения. Вот только кто-то понял, а кто-то лишь сделал вид, замкнувшись на своих обидах, страхах, страстях.

Почему там, где один закаляется, другой рассыпается в пыль? Почему кто-то обретает опыт, учится понимать и прощать, а кто-то напротив, озлобляется?

Птиц не знал. Но с обескураживающей ясностью понимал иное – способ Мгира оказался слишком примитивным, однобоким и устаревшим. Сотню лет назад, когда жизнь ценилась не дороже моченого яблока, метод бы считался приемлемым. Потерять большую часть, но поднять к вершинам меньшую. С другой стороны сейчас иная эпоха, сейчас нельзя разбрасываться

ником. А люди хоть и одинаковы, но таки разные. К каждому необходимо подбирать свой ключик, а не бить молотком и раскладывать по корзинам сломанных и уцелевших...

Что ж, он тоже учился... Но оправдание слабое, ошибки крушили не камни, а души и судьбы. И самое паршивое, просто не мог концентрироваться на Грине, пересматривать стратегию обучения, так как внимания требовали более глобальные проблемы.

– Оставьте, – опустошенно сказал маг, когда парочка учеников порвались догнать Сворла. – Позже... Кто-нибудь, потушите огонь.

Забытый котел полыхал как промасленная тряпка, дымил еще сильнее. Специально укрепленный для проведения опытов металл коробился и горел, рассыпался кусочками хрупкой сажи.

Один из алхимиков кинулся к мешкам с реагентами, принялся посыпать пламя волшебной солью. Другие студенты стали помогать, напрочь позабыв о Дьярви, а гном не будь дураком подхватил учебники и испарился вместе с группой однокашников. Причем решительно все старались не смотреть на парочку браслетов, холодно поблескивающих в траве, обходили артефакты по широкому кругу.

Занятие было безнадежно сорвано. Что хуже, это выбило из колеи. Птиц стоял и растеряно следил за суетящимися учениками, не зная, за что взяться: то ли искать строптивного беглеца, то ли ползти обратно в лабораторию. На самом-то деле пришел в рощу, дабы отвлечься от тревог, а получил порцию новых...

Впрочем, оставаться тоже не имело смысла.

Маг развернулся и вошел в кусты, преодолел завесу искажений. Постоял, привыкая к смене обстановки, подозрительно глянул на колышущиеся ветви и примятую траву.

Сворл успел сбежать, явно сохранив каплю магии для заклęcia ускорения. Да и временной сдвиг днем приходилось сокращать. Рощу посещали часто, установленные графики не соблюдали, отчего возросло количество разбитых носов и ушибленных спин. Ребята забывали о том, что человек, покинувший поляну вроде бы несколько часов тому, до сих пор торчит как истукан за мглой, и для него прошло всего ничего. Лишь в темное время суток разница увеличивалась, так как занимались старшие, научившиеся правильно ходить туда и обратно.

Наверное, Грина можно догнать и всыпать по первое число. Ауру не скрыл, да и энергии не хватит надолго. Но, вспомнив, в каком настроении смылся ученик, Птиц отказался от идеи. Пусть лучше остынет...

Решение толком не оформилось, а под ноги ткнулась знакомая тропка, озаренная косыми солнечными лучами. Из-за деревьев прилетели смутные голоса, звонкий перестук, скрипы. Через несколько минут дубы отступили в стороны, и взору открылась заснеженная горная гряда, подпирающая вершинами облака и небесную синь. По склонам сбегали леса, виднелись каменистые уступы, острые зубцы скал.

Чуть в стороне возвышалась Башня: антрацитовый клык, грозный и одинокий. Но если неделю назад тут было пустынно и тихо, то сейчас жизнь бурлила. С недалекой осыпи тянулись жуки тележек и носилок, по дороге из Долины двигались подводы с бревнами. У самой же твердыни творилось форменное столпотворение. Люди месили раствор, ставили столбы и копали фундаменты, коротышки трудились непосредственно с камнем: обтесывали блоки, крепили на стенах.

Гвалт стоял невероятный, работа спорилась. Буквально за пять дней Башня получила три новых этажа, стала толще у основания. Причем, Ирн не мог отличить, где кончалось выплавленное, а где начиналось составленное из плит. Но главное располагалось чуть дальше – к небу тянулись стены новой крепости. Пока низкие, хотя благодаря помощи Кланов растут как грибы после дождя.

Взгляд убежал вслед за мостовой к Поселку, мазнул по озеру и лугам, устремился к окраине Долины. Вдалеке в бескрайнем море степей виднелись столбы пыли и дыма, чудилось движение массы народа. Цветные точки – шатры. Один, два, десять, сотня... не перечесть.

Орки... тьма тьмущая орков. И, кажется, стало больше с момента последнего наблюдения.

Вот, что тревожило чародея сильнее бедовых студентов, взаимоотношений с гномами и текущих проблем. Вот, что отнимало силы, сон, заставляло бояться, злиться и думать, думать, думать.

Проклятые отродья явились очень некстати. Явились, когда он почти поверил, что что-то получается, и тучи, застилающие будущее, наконец, стали исчезать. Да шлюха-Судьба снова отдалась кому-то другому, и наметившийся прогресс разом улетел коту под хвост. Улетел со свистом, когда четыре дня назад в степи появились палатки зеленокожих.

Вечером пятого дня ничто не предвещало беды, но уже рано утром люди заметили небольшой отряд. В поселке ударил набат, сонные обыватели вооружились кто вилами, а кто клинками, высыпали на окраину селения. Не прошло и десяти минут, как со скал спустились гномы-дозорные, явился Птиц и с трудом погасил разгорающуюся панику. Разослал парней-разведчиков, заставил увести женщин и детей в пещеры. Короче говоря, дал работу тем, кто в ней нуждался и по шее тем, кто ударился в истерику.

До полудня Долина напряженно наблюдала степняками. А орки в свою очередь разводили костры, ухаживали за ездовыми волками. И вообще вели себя предельно мирно, нарочито игнорировали переполох в человеческом поселении. Страсти в свою очередь постепенно пошли на убыль. Кто-то сказал «переночуют и уйдут», кто-то подхватил, и мало-помалу народ зашевелился, занялся обыденными делами. Тем более, что и маги, и гномы не дремали.

Но зеленокожие не убрались восвояси. Кроме того вечером подошли еще три крупных отряда. С наступлением темноты перестук топоров в ближайшем леске не утихал, на горизонте зажигались новые огни, смутный гул нарастал. Новый рассвет принес очередную вспышку страха – лагерь на равнине вырос во много раз, стали видны стекающиеся как муравьи ниточки пехоты и кавалерии.

Переполох, крики, звон колокола и бесполезные споры повторились. Но на этот раз успокоились быстрее, так как подметили, что орки стараются держаться от Долины подальше. Лишь иногда группы разведчиков, вроде бы бесцельно кружащие по полям, подходили ближе. Однако когда в воздухе загоралось оранжевое зарево магии, отступали.

И люди, устав от пустых криков, просто брались за работу. Порой нет-нет, а поглядывали с надеждой на Башню – одинокая твердыня уже не казалась грозной, превратилась из оплота непонятных колдунов в символ защиты.

«Нужно уходить», – говорили самые малодушные.

«Чародеи не дадут в обиду, – возражали другие. – И гномы помогут. Доверия им меньше, но все-таки...»

Хотя если б оптимисты знали, что происходит на самом деле, что твориться в душе такого спокойного и уверенного на вид главы Ордена, то давно разбежались. Птиц подозревал, что степняки медлили до сих пор по одной простой причине – орда только-только собиралась. К тому же дикари в противовес расхожему мнению не отличались звериной тупостью, а шаманы знали свое дело, не позволяли лезть молодым на защитный купол. Хотя долго ли продлится затишье, Ирн не знал...

К горлу подкатила тошнота, а голова закружилась. Страх лягушкой квакнул в животе, по нервам ударило жгучей плетью – многочисленные повреждения наружной линии обороны доставляли почти физическую боль.

Колдуны не оставляли попыток продавить оборону. И если поначалу таранили голой мощью, то теперь работали исподтишка: засылали духов, которые искали слабые места, расша-

тивали энергетические узоры как ограду. Он восстанавливал сгоревшие плетения, латал контуры, но постепенно в нем крепло осознание того, что рано или поздно потерпит поражение.

Один в поле не воин. Особенно если воин устал, а врагов как воронья. И помощи никакой. Студенты рвались в битву, но как минимум послужили бы смазкой для орочьих ятаганов. И кроме прочего учились хуже, стали рассеянными, чаще ходили в горы – смотреть на вражью армию. Бравировали, выпячивали грудь колесом, но боялись... Запах страха вообще стал неотъемлемой частью жизни.

И, наверное, это было правильно. Потому что кого-кого, а орков никогда не стоило недооценивать. Варвары, полуживотные, и как говорилось в отдельных трактатах – ублюдки, родившийся от противоестественной смеси демонов, людей и эльфов, плод экспериментов Мрона. Они жили набегами, грабежами, убийствами, постоянной войной с себе подобными и чужаками. Называли доблестью и гордились победами, добычей, пролитой кровью.

Столетиями зеленокожие скрывались в бескрайних южных степях, а потом, в конце концов, налетали стаей саранчи на человеческие города, предавали огню и насилию. Растекались половодьем по королевствам, и на целые годы войны гремели от Тарка до Нгара. Еще дольше тянулись смутные времена, когда правили бал разбойники, когда замирала торговля, бушевали эпидемии, уходили во тьму забытья королевские династии, исчезали страны...

Так продолжалось тысячелетие за тысячелетием. Иногда орду рассеивали на подступах, иногда борьба превращалась в изматывающую кровавую кашу. До тех пор, пока в мире не появился Серый Орден, ставший той силой, что сдерживала набеги варваров. Но теперь его не стало, и Птиц не знал, как поступить... просто не знал. Зато хорошо представлял, что произойдет, если не уйдет. Колдуны продают купол, и тогда от Долины и ее обитателей останется пепел.

«Как и от Свободных Земель, Окрана, части Скифра», – беззвучно прошелестело в ушах.

Скрипнув зубами, чародей отвернулся, посмотрел под ноги. Он понимал, что поступает неправильно. Не стоило забываться, как крестьяне и ремесленники, не стоило прятаться за повседневными делами, создавая иллюзию того, что все в порядке. Нужно принять решение.

Какое – иной вопрос. И самый главный, пожалуй. Вступить бой он не мог. Во-первых, не имел в своем распоряжении необходимых ресурсов. Во-вторых, силы требовались для другой битвы. Но и оставлять новый дом не хотелось. Отчасти из-за людей, получивших в подарок надежду, отчасти из-за Роши. Заповедное место позволило бы закончить обучение студентов, вывести в кратчайшие сроки хотя бы некоторых на вторую ступень мастерства...

С другой стороны не стоило забывать, что Долина служила преградой. Убери, и орда уничтожит Край, вместе с ним – возможных союзников. Да и Эскер не простит подобного.

Сложная ситуация, противоречивая. И, наверное, следовало пойти по компромиссному пути – позвать на помощь Альенов, продержаться максимально долго, а затем покинуть насиженное место. Но Ирн сомневался. Магу не хотелось предавать огласке существование нового Ордена, кто-нибудь обязательно решил бы использовать в своих интересах. Купить верность, предложить покровительство, заставить служить своим целям. Те же правители Свободных Земель даром, что двоюродные братья Эска и Вита, показали себя как неплохие политики. А политиков нет смысла обзывать хитрыми и жестокими, это изначально включено в само понятие.

Снова проследив за суетой у Башни, Птиц горько скривился. Люди работали так, будто надеялись отгородиться от врагов стенами. И будет больно сказать им, что трудились зря...

«Вечером, – подумал чародей. – Я должен попытаться. Сейчас разошлю духов-шпионов, вдруг как отыщут уязвимые места? А если не получится, соберу всех... как раз и Грин немного спустит пар».

Мысль не принесла облегчения, в груди по-прежнему болезненно тянуло, а в горле першило. Но Ирн нашел в себе силы расправить плечи и пойти к Башне. Аккуратно обошел

корытца с раствором, ободряюще кивнул трудягам-каменотесам, поднялся по крыльцу и толкнул тяжелую дверь, замер на пороге холла.

На один удар сердца магу показалось, что ошибся, зашел не туда. Но потом вспомнил о том, как шумели строители с утра, вспомнил и суету, когда выходил. И вот пожалуйста – вместо голых оплавленных стен ровная, почти зеркальная поверхность. Рядом с лестницей возник резной стеллаж с историческими хрониками и травниками. Слева мягкий диван и кресла, на тонких ножках раскорячился круглый столик. Извечный полумрак разгоняли магические светильники в грубоватой медной оправе, а ноги тонули в мягких шкурах.

Жаль, но пустая трата времени. Орки с удовольствием порубят мебель и будут разжигать книгами костры.

Птиц стиснул зубы, и хотел направиться к входу в подвал, когда в полумраке раздалось сопение, кто-то окликнул:

– Магистр?

– Да? – нехотя отозвался маг, посмотрел на вставшего с кресла маленького мужчину в аккуратном кафтане. Наморщил лоб и вспомнил: – Вы Локс... Локс-портной.

– Рад, что помните, – учтиво ответил ремесленник. – Простите, я вас с раннего утра жду. Понимаю, дел невпроворот, не отниму много времени. Это касается нашего предыдущего разговора, а если конкретней, то формы.

– Что-то нужно? – попытался угадать чародей.

– Нет-нет, напротив. Дело в том, что недавно прибыл мой коллега, Марк. И вместе мы сумели ускорить работу. Оружейник Грит с помощью гномов создал великолепные латы. Остались мелкие штрихи, но нужно ваше одобрение и замечания, чтобы смогли подправить. Я взял на себя смелость доставить пробные экземпляры...

Жестом фокусника Локс указал в угол, где как, оказалось, находились три грубоватых манекена. На них висели куртки с капюшонами, кожаные штаны с сегментными поножами и высокие сапоги, кроме прочего – короткие плащи, а у поясов мечи в простых ножнах.

В приступе мимолетного любопытства, Ирн подошел ближе и внимательно осмотрел комплекты одежды и лат. Удивил материал – в ткани курток скрывались тончайшие кольчуги. К тому же кто-то из студентов успел зачаровать. Ничего особенного: укрепляющие материал плетения, подогрев и охлаждение, впитывание пота... но удобно и практично.

– Мы специально изучали старые летописи, – с гордостью сказал портной. – Грит разрабатывал чертежи и занимался доводкой, а гномы предоставили лучшую сталь. Огнеупорную краску сделали ваши ученики, но с цветом мы пока не определились...

– Пусть будут серыми или воронеными, – отмахнулся чародей. Взялся за наплечники и приподнял костюм на манекене. Удивительно легкий, будто сделан из бумаги. Сами латы достаточно скромные, без резьбы и прочих излишеств. Вынул из ножен меч, полюбовался тонким и хрупким на вид клинком необычного фиолетового оттенка. Задвинул обратно, повернулся к Локсу и добавил: – Оставьте пока тут, позже осматрю внимательнее и подумаю над количеством комплектов.

Судя по разочарованному виду портного, получилось суховато, ремесленник ожидал лучшей оценки своему творению. Но, тем не менее, отвесил короткий поклон и попятился к выходу.

– Как скажете, магистр.

– Ах да, – поправился Птиц. – Вы отлично поработали.

– Благодарю, – сдержанно улыбнулся мужчина. – Это общая заслуга.

Казалось бы мелочь, слова, а человеку приятно, теперь будет жилы рвать, сделает лучше. Но маг лишь вздохнул, когда портной ушел. Прикоснулся к доспехам, провел ладонью по наплечнику... Какая разница? Если придется бежать, то и данное маленькое достижение пойдет прахом.

Спустившись в подвал, чародей шепнул слово-ключ и почти с облегчением шагнул в лабораторию. Здесь царила тишина, желтоватый полумрак, в котором громоздкими тенями выделялись шкафы, рабочие столы, заваленные кипами бумаг и пергамента, магическими безделушками и артефактами. Успокаивающе пахло травами, книгами и алхимическими реагентами. И никаких людей, постоянно требующих, выпрашивающих, рассказывающих...

Шаги, раздавшиеся с лестницы, разрушили иллюзию. Раздался деликатный стук, и вошел Витар. Лицо как обычно сонное и невыразительное, но зрачки колючие, острые. За ширмой привычного спокойствия скрывалась тревога.

– Что горит? – кисло осведомился Ирн. Посмотрел на почти готовую фигуру посреди комнаты, но взял себя в руки и скрыл раздражение. Минута не сыграет роли.

– Мы, – пространно ответил младший Гар. Помедлил и добавил: – Сворл не уgomонится.

– Я что-то упустил?

Чародей намекал на жестокое испытание с домашними любимцами. После того случая Грин долго не мог прийти в себя.

– Его семья задолжала Подгорной Гильдии и не смогла расплатиться, – сказал бывший Огневик.

С губ Птица слетело отрывистое проклятие. Он помрачнел, ибо слышал, как гномы расправлялись с должниками и ворами – заливали в глотки расплавленный свинец. Что ж, сие объясняло реакцию Сворла. Да только маг совершенно не представлял, как теперь разговаривать с учеником. И сколько будет хороших мальчишек, кого-то дико ненавидящих, кому-то жаждущих отомстить?..

– А раньше сказать? – проворчал Ирн.

– Сам узнал с полчаса назад, – парировал Витар. – Стерна прижал, оказалось, они в одной группе учились, в приятелях ходили с университетских времен... Но насчет Грина я так, мимоходом.

– Добивай, – махнул рукой чародей.

– Недавно вернулся Свободных Земель, забирал последних рекрутов в Генге.

– И?

– Там беспокойно.

– Твои двоюродные братья вроде бы начали наводить порядок, – настороженно прокомментировал Птиц. – Отвели войска от границ, наладили торговлю с Тарком. Восстание в Антраже благополучно подавили...

– На них совершили покушение, – перебил младший Гар, – обоих чуть не отправили к Праотцам чернокнижники-самоучки. Думаю, вскормлены повстанцами. Проникли в мэрию, устроили взрыв. Но хуже слухи о пропадающих студентах генского университета.

– Попытку убийства спишут на нас, – понял намек маг. Провел рукой по лицу, стирая несуществующий пот, и обессилено посмотрел на Витара. – Тьма! Не хватало, чтоб разозленные свободные ударили нам в тыл.

– Я разберусь, – предложил ученик. – И с братьями поговорю.

В первую секунду Ирн чуть не топнул ногой и не накричал на младшего Гара. Даже рот открыл и воздуху в грудь набрал, чтоб осадить самоуверенного нахала. Но посмотрев на предельно сосредоточенного и серьезного студента, неожиданно для себя просто клацнул зубами... А ведь дело говорит. Причем предлагает вполне разумный план. Самому как ни гнись, а разорваться нельзя, Вит же опытен и далеко не молод, как Грин. Ко всему прочему как-то просчитал одну из самых болезненных дилемм, мучающих наставника, придумал план.

Поразмыслив еще немного, Птиц решительно шагнул к стеллажам, откопал потрепанную книгу в мрачном черном переплете, пару молочно-белых кристаллов на бечевках. Отдал ученику и хмуро произнес:

– Возьми. В походном справочнике заклęcia для работы с Мраком, атака и защита, азы ты вроде изучал, так что разберешься. Амулеты заряжены, каждого хватит на отражение двух-трех ударов Тьмы.

– Спасибо, – впервые за весь разговор блекло улыбнулся бывший Огневик, спрятал артефакты и книгу за пазухой. – Если нарвусь на нечто серьезное, позову на подмогу. К слову, если не против, возьму один из новых костюмов.

– Надеюсь на твое здравомыслие, – кивнул маг. – Конечно, бери. Будь на связи, ситуация здесь может измениться и ты станешь представителем Ордена в Крае.

– Не вопрос, – коротко сказал Витар. Судя по взгляду, действительно понял невысказанное – если орки пойдут в атаку, придется звать на помощь, не считаясь с ценой. Помедлил, словно прощаясь с лабораторией, а затем порывисто развернулся и ушел.

Оставшись наедине с книгами и тишиной, Ирн прошелся от одного захлапленного шкафа к другому. Но потом сообразил, что просто впадает в паранойю на фоне усталости, и заставил себя перестать заламывать руки, подойти к столу. Достал медный кофейник из ящика, залил водой и раскалил тонкую стальную пластинку, заменяющую очаг.

Простые действия помогли немного сосредоточиться, а аромат кофе слегка развеял муть в голове. Маг сделал несколько больших глотков, обжигаясь и фыркая как кот, подумал о том, что Вит справится. Ему тоже следует заняться делом. Пожирать себе мозг, безусловно, занятие увлекательное, но абсолютно пустое. И дабы не бросаться из крайности в крайность, лучше следовать запланированной последовательности. Есть фигура призыва Астральных Следопытов, есть источник энергии и оборона, которую следует укрепить, чужие контуры, мимо коих необходимо просочиться и понаблюдать.

Еще около часа Ирн занимался восстановлением купола, вплетал в общую сеть новые заклинания: ловушки и обманки, миражи, создавал аналоги бастионов, волчих ям. И конечно бросил в дело весь арсенал: Стихии, ментальную магию, призванную запутать, усыпить или сбить с толку, Астральные Сущности, Демонологию. Творил ритуалы и заклęcia, напряженно ткал канаты Силы. Но в конце концов вывалился из транса, мокрый от пота и изможденный, заковылял к столу, чтобы глотнуть кофе перед следующим сеансом, когда заметил нового посетителя в кресле у книжных шкафов. Тот скорчил виноватую мину и развел руками.

– Прости, но я стучался. Пришлось воспользоваться пропуском.

Вельдр кивнул на металлическую пластинку, лежащую на подлокотнике.

– Долго сидишь? – спросил Птиц, жадно отпив и посмотрев на гостя поверх кружки.

– Не очень, – пожал плечами предводитель гномов. Расстегнул жилет и поскреб грудь под бородой. – Но в глотке пересохло, а та гадость, что постоянно лакаешь, в меня не лезет.

Пришлось достать новую кружку и переместить из кладовых кувшин с холодным элем. Обрадованный коротышка сделал добрый глоток и шумно вздохнул.

– Так лучше?

– Намного. Упарился, пока бегал, – ответил Вельдр, отжав усы. И прежде чем Птиц успел придумать вежливый дипломатический оборот, огорошил: – Зеленокожие ублюдки пытаются обойти Долину через горы.

– Сколько? – быстро спросил чародей. – Когда?

– Десяток разведчиков, – пояснил гном. – И шаман. Прошлой ночью. Мои молодцы устроили обвал, похоронили в одном приметном ущелье. Но уверен, группа не единственная. И ты понимаешь, что значит...

– Ищут тропы, чтобы зайти с тыла. Башня у них как кость в горле, стоит на единственной широкой дороге к территориям людей.

– Ну, мы усложним им задачу. Думаю, и ты не настолько глуп, чтобы защищаться в одном направлении. Но после разведки так или иначе будет наступление. Пока отдыхают после пере-

хода, собирают силы в кулак. Говорят, новый вождь сумел объединить враждующие племена под одним знаменем.

– Вождь? – пробормотал Птиц, оторвавшись от кружки и с новым интересом глянув на Вельдра. – Хм... Если власть завязана на одном орке, то можно убить, остальные переделаются. Ну, или попробовать договориться, предложить откуп.

На губах гнома возникла презрительная улыбка, лицо изобразило брезгливую жалость. Вроде той, что испытывают к юридическим.

– Легче со скалами соглашение заключить. Как знаток говорю. Зеленомордые горды как демоны. Отдашь золото, а на следующий день все равно придут и зарежут. Ибо доблесть превыше гадкого желтого металла. Варвары, что и говорить.

– Культ воинской чести?

– Причем доведенный до абсурда.

– Возможно, я бы испытал симпатию к такой жизненной позиции.

– Но не сейчас.

– Не сейчас, – вздохнул Ирн. Задумчиво потер подбородок и добавил: – Договориться нельзя, драться не получится. Предлагаешь бежать?

– Да, – с нажимом произнес Вельдр. – Врагов слишком много. Нет, не подумай, соглашение что и выведу на поверхность бойцов. Но они не смогут сдержать Орду, ты тоже не выдержишь вечность против сотни-другой шаманов. Мы будем устраивать засады, отходить, бить, прятаться в пещерах, заманивать в узкие проходы. И нанесем зеленым приличный урон. Но они могут себе позволить терять бойцов, а мы нет.

«Отсрочка, – подумал маг. – Да, лишь отсрочка. Возможно, стоит попросить Вита сразу, чтоб известил Свободные Земли о новой напасти... Или для начала попытаться поговорить?..»

– А если дать степнякам иного врага? – спросил Птиц. Выдержал паузу, заметил заинтересованный блеск в глазах гнома и добавил: – Достойного врага. Могучего. Бой с которым принесет настоящую славу.

– Древние?! – сообразил глава Горных Кланов. Нахмурился и ожесточенно поскреб щеку. – Может сработать, подобное безумство вполне в духе орды. Но ты не учел одного, для начала с зелеными мордами надо хотя бы поговорить. А общаться они хотят пока на языке топоров и стрел.

– Значит, нужны идеи... – начал говорить чародей. Но осекся, когда посреди подвала возникла черная бесформенная тень с узкими алыми глазами, повеяло холодом. Вскочил с кресла и сжал кулаки. – Ты! Как ты сумел?

Вельдр тоже поднялся и схватился за топор, с опаской глядя на пришельца.

– Прошу прощения, – с насмешкой сказала тень. – Не хотел прерывать военный совет.

Поколебавшись, Ирн придержал готовое заклинание. Шед прекрасно знал о неприязни магистра, и старался лишний раз на глаза не попадаться. Гонял молодняк на берегу озера, заставлял овладевать нелегкой наукой клинка и кулака. Вечерами прятался в комнате, где, кстати, так и не установили никакой мебели. И тут он взял и проник сквозь защиту подвала, тем самым выдав свою лазейку. Должно было произойти нечто из ряда вон.

– Говори.

– У нас гости.

Сказав это, тень изобразила ироничный поклон, отступила на шаг и истаяла. Но Птиц не заметил, торопливо активировал дремлющих Астральных Следопытов. Посреди комнаты расплзлось облачко сизого тумана, внутри возникло оконце, где заблестело солнце, показалась зелень бескрайних степей.

К границе Долины шли орки.

Степняки не скрывались, шагали неторопливо и гордо. Пяток могучих и рослых, на вид коренастых, как гномы воинов. Ветер трепал заплетенные в замысловатые прически волосы,

играл амулетами и швырял в свирепые лица мелкие травинки. Тяжелые грубые доспехи из сыродутого железа и толстой волчьей кожи плотно облегали тела, у поясов болтались устрашающих размеров топоры, ятаганы...

Впрочем, взгляд Ирна лишь скользнул по дикарям, впился в ствол молодого дерева, что тащил передний боец. На верхушке импровизированной мачты развевалась рваная белая тряпка.

Спустя несколько секунд возник и звук. Знаменосец то и дело гортанно выкрикивал:

– Вождь объединенных племен народа Хиирака-Лцаг, пророк Зрячей Луны хочет поговорить. Вождь объединенных...

Образ растаял, не продержавшись и минуты. А гном и чародей переглянулись, Вельдр недоуменно вскинул брови.

– Глазам не верю, маг.

* * *

– Следующий! – выкрикнул в коридоре стражник.

Дверь в очередной раз приоткрылась, в кабинет несмело заглянул сухонький старик в длинном коричневом балахоне с золотой оторочкой. Опасливо покосился на стоящего у окна огромного оборотня, бочком-бочком протиснулся вдоль стены.

– Уважаемый, мэтр, – послышался усталый голос из угла. – Пройдите сюда, пожалуйста.

На жестком резном стуле за конторкой заваленной кипой бумаг сидел высокий худощавый мужчина в простой одежде. На вид – лет двадцать шесть, но впечатление портили убеленные сединой виски и сеть тонких морщин в уголках глаз. Лицо узкое и худое, изможденное, взгляд внимательный и острый, какой бывает лишь у разного рода дознавателей.

Осторожно присев на самый краешек тяжелого табурета, старик снова покосился на оборотня и вздрогнул, когда мужчина спросил:

– Мэтр... э-э-э?..

– Арган, – степенно представился маг. – Декан факультета Алхимии и Элементарных Энергий.

– Ага, – кивнул дознаватель. Достал из ящика конторки чистый лист, аккуратно написал сверху имя чародея и должность. Макнул перо в чернила и неожиданно улыбнулся. – Студенты по-прежнему клюют на шутку с волчьими ягодами?

– Вы учились у нас, молодой человек? – оживился старик, улыбнулся в ответ. – Да, годы текут, а что-то остается вечным. Скажешь, возьмите волчьи ягоды, а они хватаются то за рябину, то за чернолист... чего не знают, то и волчьи ягоды.

– Помню, – пробормотал дознаватель. – Ладно, перейдем к делу.

– Да-да, – согласился Арган. – Хотелось бы узнать причину, по которой я, скромный преподаватель университета, понадобился...

– Не юлите, – отрывисто произнес дознаватель. Взгляд чиновника потяжелел, на щеках вспухли твердые желваки. – Вы знаете, зачем вызваны. Как и десятки других преподавателей, студентов.

– Но я не причастен ни к чему противозаконному! – возмутился старик. – У меня репутация.

– Знаем, – перебил мужчина. – Вы – человек добропорядочный. Но вряд ли будете отрицать, что в аудиториях именно вашего подразделения частенько собирались adeпты так называемой секты Истины.

– Но я не...

– А давайте не будем? – сказал чиновник, замедленно отложил перо и помассировал предплечье. Ворот рубахи чуть сдвинулся, стала заметна плотная повязка в пятнах крови. –

Просто отвечайте на вопросы и наша встреча не повторится... Как давно вы начали замечать, что пропадают студенты?

– Сложно сказать, – выдавил маг. – Вы же знаете молодежь, многие норовят прогулять занятия. В конце семестра стало заметно, что некоторые исчезли. Да и слухи поползли. О чернокнижниках и прочем.

– В конце этого семестра? – уточнил мужчина, принялся записывать. – Или в предыдущие люди тоже пропадали?

– Нет, раньше подобного не происходило.

– Но вы должны были заметить странности. Частые собрания студентов после занятий? Слухи, разговоры, случайные фразы?

– Да.

– Тогда почему не оповестили власти?

– Поначалу выглядело вполне невинно – молодые люди любят играть в тайные общества. Руководство университета никогда не запрещало, так как способствует большему рвению в учебе. И когда ребята попросились остаться в лаборатории на дополнительные занятия, я не препятствовал. А потом...

– Вы испугались, – понял дознаватель.

– Испугался, – кивнул старик. – Мои коллеги говорили, что одного из инспекторов боевого факультета нашли мертвым. Вроде сердечный приступ, но незадолго до смерти он крупно повздорил с какой-то группой.

– Ясно. Еще нечто подозрительное заметили?

– Пожалуй. Месяца три назад я мельком услышал разговор... один из парней описывал какое-то место, где обучают древней магии. И о том, что идет набор талантливых и умелых.

– Место не называли? – насторожился чиновник.

– Нет, – мотнул головой старик. – Но я понял, что где-то в горах. И упоминали какую-то Башню.

– А магия? Уж не о серой ли идет речь?

– Понятия не имею. Хотя вряд ли, последний чародей старой школы умер много лет назад, а книги Ордена в библиотеке под семью замками. И если бы кто-то сумел выкрасть, воспользоваться нереально. Волшебство серых построено на иных принципах, ключом к которым мог бы служить один из посохов. Но артефакты давно рассыпались в прах или утратили силу... Нет, исключено!

Свернув на знакомую тему, маг немного воспрянул духом и тут же сбился на менторский тон. Мужчина выслушал с непроницаемым видом, едва заметно дернул уголок губ.

– Хорошо. Вы свободны, спасибо за содействие.

– Рад помочь, – с недоумением ответил Арган. Видимо не думал, что допрос будет таким коротким. Поднялся и шагнул к двери, вновь с любопытством покосившись на так и не раскрывшего рта оборотня, поторопился уйти.

«Чиновник» проводил старика взглядом. Затем посмотрел на лист бумаги, раздраженно смял и бросил в корзину.

– Ничего нового, – прокомментировал зверомаг. Достал трубку, принялся неспешно набивать.

– Да, Тох, – ответил Аш Альян. – Нового мало, каждый говорит примерно одно и то же... А ты не мог бы курить где-то в другом месте, а? Я понимаю, нервничаешь, но вонь поперек горла.

– Прости, руки сами тянутся, – сказал оборотень. Вздохнул и отложил трубку с кисетом на подоконник. – Хреновые у нас дела. Бойцы с ног сбиваются. Неделя прошла, а следов чернокнижников нет. Затаились, гады. И на границе неспокойно, со стороны Скифра лезут какие-то твари: то ли демоны, то ли умертвия. У меня весь стол донесениями завален, просят магов,

простые клинки помогают плохо. Огневики и спасают пока... А еще полно слухов. Мол, мы прогневали богов, вот и пошли мертвяки. Те, кто не успел присоединиться к Ривзу, мутят воду.

– Не только они, – произнес старший. – Народ взбудоражен, ищет виновных. Нас ругают даже за то, что пустили в страну иноземцев, хотя тем самым не дали ей подохнуть от голода.

– И плевать! – рыкнул Тох. Резко развернулся и хотел добавить что-то, но глянул на брата и подавил вспышку. – Ладно, разберемся. Ты накопал чего?

– Конкретного мало, – скривился маг-строитель. – Слухи, предположения, небылицы. А по факту в последние месяцы кто-то активно сманивал студентов. Мне удалось вычислить предполагаемое место базирования неизвестных – юг Седых гор. Но как выводили аколитов, кто такие и чего добиваются, неизвестно.

– Взрыв, мертвая кошка, черная магия... тебе недостаточно? – фыркнул оборотень.

– Нет, – отмахнулся Аш. – На первый взгляд версия о тайном обществе выглядит красиво, но судя по показаниям, секта Истины действовала долгое время. И причем здесь, в Генте, на виду. А вот исчезновения начались сравнительно недавно. Самое загадочное – следов практически нет. Разве что смутное описание паренька, который рассказывал о некоем волшебном месте и великом учителе.

– Что тут голову ломать? Чернокнижники предвидели такой поворот событий, устроили запасную базу. Нужно заслать разведчиков, а потом двинуть пару полков и выжечь змеиное гнездо. Не понимаю, почему противишься. Ведь пока медлим, гады качают мускулы.

– Не сходится. Что-то тут не так... я не хочу бросаться в омут головой.

– О чем ты шепчешь? – взъярился зверомаг, указал на окно. – Посмотри! Нет, посмотри, что произошло с мэрией. Рабочие до сих пор не знают, с чего начать, чтобы крыло не рухнуло. Сколько людей погибло, сколько ранено... невинных людей, Аш. Или сам уже выхворался?

– Успокойся, – посоветовал старший Альен.

В голосе мага-строителя мелькнули скучные нотки. Тох наткнулся на трезвый спокойный взгляд брата, поперхнулся гневной тирадой.

После истории с взрывом пришлось переселиться в другое крыло мэрии. Старый кабинет перестал существовать, лицевая стена практически рухнула. Но в тот момент о здании мало кто думал – искали среди завалов мертвых и раненных, таскали в лечебницы. Стражники и гвардейцы с ног сбились, пытаясь найти виновных. Логично предположили, что кроме магов на такое никто не способен, ринулись в университет. Но заговорщиков и след простыл, исчезло добрых полсотни студентов. А через день прогремел взрыв в казармах городской стражи. К счастью обошлось почти без жертв, но среди развалин опять нашли тушку кота и кровавую надпись с угрозами: мол, если диктаторы не покинут пост, будут гибнуть люди.

К поискам магов-отступников подключили всех: от стражников до гвардейцев-оборотней. Но прошло несколько дней, а дело застопорилось. Гент наполнился загадочными слухами, фактов же набралось весьма мало, путеводная нить то и дело терялась.

И ладно бы, но неприятности посыпались как из рога изобилия: локальные восстания, волнения среди ветеранов в армии, частые грабежи продовольственных обозов, караванов. Последней каплей стали известия о стычках на северной границе. И ни с кем иным, а с давно считавшимися сказкой порождениями Тьмы – демонами, ходячими мертвяками, невообразимыми чудищами. Воины оказались не готовы к подобному, и хотя не бежали, но сражались вяло. Осторожничали и командиры: ждали указаний свыше, опасаясь губить людей понапрасну.

Что делать в такой ситуации не ясно. Правители с подручными сбивались с ног, сутками напролет выслушивали донесения и раздавали приказы. В Генте относительное спокойствие сохранить удалось, последние события расположили народ к Альенам. Но вот в остальных городах и селах крепко поселилась паника, со дня на день Свободные Земли могли превратиться в огромный котел, наполненный кровью и пламенем...

Сделав пару глотков холодного кофе, Аш в очередной раз потер веки – боль и зуд в глазах стали вечными спутниками. Затем посмотрел на застывшего молчаливым истуканом младшего и добавил:

– Остынь. И поспи хотя бы пару часов.

– Толку? – тихо сказал оборотень. – Голова до подушки не успеет долететь, прибегут с новым авралом. Мы поменялись местами. Это в тебе всегда видели паникера и горлопана, а меня считали уравновешенным.

В голосе зверомага проскользнула горечь пополам с иронией. Старший Альян задумчиво покачал головой, ответил нейтральным тоном:

– У каждого свой предел прочности. Спокойствие для меня то же самое, что для тебя ярость.

– Зверь прорывается, – буркнул Тох.

Брови мага-строителя поползли вверх, но он тут же обругал себя за недогадливость – брат имеет ввиду потерю контроля над животной сущностью. Усталость, не попишешь. И уговаривать отдохнуть бесполезно, поспать действительно не дадут.

Аш проследил за ползущим по полу алым лучиком, прислушался к смутному говору за окном.

– Мне не дают покоя несколько вещей. Например, среди чернокнижников ни одного преподавателя, лишь студенты. Во-вторых, слабо верится, что такими силами смогли организовать какую-то тайную крепость. А так называемый великий учитель... скорее уж сами распустили сплетни, чтобы направить нас по ложному следу. Нет, колдуны окопались где-то недалеко. И Ривз... мы не отыскиали тело в Антраже. Нет ли тут какой-либо связи? Полковник – хитрый мерзавец, и ляпы насчет тиранов смердят чересчур знакомым. Следует копнуть поглубже, отловить свидетеля.

– Я не могу ждать, – отрубил зверомаг. – Нужно действовать. Иначе завтра к нам придут и вздернут на ближайшей ветке. Завтра соберу войска, поведу на юг. Кто бы ни окопался в Седых горах, я найду и сожгу. А сейчас прости, пора наведаться в тренировочные лагеря.

Тяжело вбивая ноги в пол, оборотень направился к выходу. Считай, спасался бегством. Хотя старший и не собирался ругаться, признавая частичную правоту брата. Оставшись в одиночестве, попытался привести мысли в порядок.

Не получилось. Раздался топот и взволнованные голоса. Скрипнула дверь, в кабинет ворвался взъерошенный Бран, полковник «волков». Углядел правителя, браво отдал честь и гаркнул:

– Поймали!

– Кого? – заторможено поинтересовался маг-строитель.

– След! – выдохнул воин. – Прибежал какой-то студент, сказал, что его приятелю дали это. Тот парень резко засобирался, ушел. А вот письмецо забыл сжечь.

Полковник подал мятую бумажку. Старший Альян жадно схватил, разгладил и впился глазами в единственную строчку: «Главный корпус, трехсотая аудитория, полночь. Для тех, кто жаждет изменить Судьбу».

Звуки смазались, обратились в сплошной гул приближающейся лавины, затем – в грозный бой воинских барабанов. Но маг-строитель справился с приступом дурноты, снова посмотрел на бумагу, потом на командира и сказал с кривоватой ухмылкой:

– Не могут без пафоса детишки. Собирай отряд.

Глава 3

Города засыпают поздно. Большие не засыпают никогда, просто дремлют вполглаза. Открываются ночные лавки, бордели и притоны, трактиры, на улицы выходят всякого рода гулены, пьяницы, спешат урвать часок тайные любовники, рыщут воры и убийцы. Свет, шум и движение исчезают лишь ранним утром, и то ненадолго. Даже во время беды. Или особенно во время нее, ведь люди до последнего делают вид, что ничего не происходит, таким незатейливым образом спасаясь от действительности.

Обычно Гент вел себя так же, хоть и намного тише, чем десять лет назад. Прибавилось стражи, исчезли многие забегаловки, однако прохожих можно было встретить и в глухую предрассветную пору. Обычно, да. Но сегодня отчего-то получилось иначе. Не успел отплыть закат, а город опустел, в мир пришла звенящая тишина. И это тревожило, заставляло напрягаться, искать подвох...

Вперед ровной серой лентой убегала мостовая, по бокам словно стражи потустороннего мира стояли фонари. За мутными стеклами едва тлели голубоватые искры закольцованной Силы, свет неохотно и опасливо оттеснял тьму. Но шаг в сторону – и крошечный мрак, безликие силуэты деревьев и оград, еще дальше желтоватыми глазами-окнами подмигивали здания. Из небытия то и дело выныривали старые скамейки в чешуе разошедшей краски, растрескавшиеся стены домов.

Аш прищипил коня, мельком оглянулся. Воины не отставали. Безликие в длинных плащах и мешковатых накидках, которыми скрыли характерные «волчьи» латы. Лиц в тени капюшонов не видно, и только стук копыт да позвякивание сбруи позволяли понять – живые люди, а не какие-нибудь призраки.

Пять человек: три воина, маг-огневик, плюс Бран. Молодой полковник настаивал на том, чтобы захватить сотню, но Альен отказался. Таковую толпу заметят издали, разбегутся. С другой стороны нет никаких гарантий, что отряд уже не раскрыт. Если бы речь шла об обычных гентских чародеях, Аш не сомневался. Но тут загадочные чернокнижники, adeпты секты Истины. Что если обладают навыками Серых?

Последнее вызывало сомнения, почерк колдунов слишком примитивный. Но правитель предпочитал сначала понаблюдать. Кто знает, вдруг он ошибается, и в дело вступила третья сила? Тогда не хватит и полка.

Тревожные противоречивые мысли прогремели гномьими вагонетками где-то на грани сознания. Мелькнул образ Катрин, опалил сердце и пропал, слишком блеклый и далекий, чтобы доставлять боль. Он живет сейчас, сию минуту. А дыхание прошлого... да к демонам!

В лицо мага-строителя ударил порыв свежего ветра, раздался слитный шелест, скрип ветвей – рядом парк. Из тьмы выплыл фонтан, звезды над головой стали ярче, и на фоне россыпи белесой крупы проявился силуэт большого строения, рядом еще одного. Вдалеке у крыльца покачивался на цепи очередной фонарь, отбрасывал блики на тяжелые чугунные створки и серые камни.

Отряд остановился и спешил, один из бойцов забрал поводья и отвел лошадей к ограде. Двое достали миниатюрные арбалеты, принялись торопливо натягивать тетивы. Аш в свою очередь проверил, легко ли выходит меч из ножен, поправил ремни и поморщился. Кольчуга давила на плечи, раны отвратительно ныли. Да и слабость до конца не отступила, несмотря на заверения врачей.

– Кажется тихо, – шепнул Бран, окинув взглядом корпус. – Лин, что скажешь?

Сбоку материализовался человек в плаще, замер и выставил вперед ладони. Правитель тут же почувствовал истечение энергии, уловил отголосок трехуровневого плетения.

– Что? – быстро спросил Аш, отчаянно кляня собственную ущербность и по-черному завидуя Эскеру. Строителю или механику недоступны подобные фокусы. Только если промучится дни и недели, сотворить артефакт. Но сходу не дадутся ни поисковые, ни атакующие заклинания. Разве что внутренняя Сила, по капле сцеживаемая в тонкие замысловатые узоры с пассивными эффектами.

– Эха нет, тепло тоже не ощущаю, – произнес чародей. Снял капюшон и провел ладонью по волосам. – Наверное, защита здания блокирует.

И в темноте стало заметно, насколько озадачен маг. Воздух вокруг парня ощутимо потеплел, а в глубине зрачков появились алые искры. Воины привычно отстранились, давая пространство для волшбы, поглядывали вопросительно: что делать?

Но никто не успел и пикнуть. Звезды закрыло облачком, одинокий светлячок фонаря под крыльцом мигнул и притух. Лошади испуганно заржали и рванулись с привязи, а боец, взявшийся за ними ухаживать, лишь беспомощно округлил рот. Схватился за грудь и медленно завалился набок как мешок с сеном.

Через секунду послышался стук – арбалетки уронили оружие. Один вытаращил глаза и рухнул, где стоял, второй шатался как пьяный, хрипел. Ему вторил Бран, и что хуже – Лин. По одежде мага сыпались злые огоньки, ладони казались раскаленными, но неведомая зараза легко проникала и сквозь щиты.

Сам Аш почувствовал толчок, утонул в черноте. А когда очнулся, понял: стоит на коленях, отчаянно отталкивает напирющую мостовую. Испытал изумление, испуг и гнев. Все произошло слишком быстро, и самое отвратительное – буднично. Шесть не самых дохлых мужчин просто умирали. Холодная волна, пришедшая от здания университета, останавливала сердца, пила жизненную силу.

Он подозревал, что «письмо» может оказаться ловушкой. Но рассчитывал проверить и отступить, если не получится взять нахрапом. И ошибся. Естественно, никто и не собирался подпускать их на дистанцию выстрела из лука или удара плетением.

Правитель утратил способность ощущать магические вибрации через минуту, Лин продержался чуть дольше. Но вскоре щиты боевика потухли, парень обмяк. Уже понимая, что выкрутиться не получится, Альен оглянулся. Заметил лежащего недалеко «волка»: боец царапал пальцами неподатливую землю, сучил ногами в конвульсиях – лицо блее мела, а на губах пузырилась пена. Взгляд убежал дальше: мимо парализованного мечника, скользнул по старой кованой скамейке и зарослям кустов.

Наверняка у вражеского заклинания есть ограничение по площади действия. Если выйти из фокуса, смертная жуть отпустит. Но как, если пошевелить пальцем – огромный подвиг?

Раздались шаги, недалеко мелькнула смазанная тень. Кто-то из врагов решил полюбоваться смертью дураков, попавших в капкан, либо захотел проконтролировать и при необходимости добить.

Разглядеть лицо неизвестного правитель не смог. Но с удивлением заметил, что вышел из парка, направился к двери университета. Толкнул дверь и исчез внутри.

Минуты три ничего не происходило. А затем гроыхнуло и зашипело, окна главного корпуса засверкали призрачным голубоватым сиянием, хarkнули битым стеклом. Кто-то закричал... и смертная оторопь отпустила людей, валяющихся на площадке.

Почти ушедший за Грань Аш вздрогнул, рывками поднялся на ноги. Ошеломленно огляделся и выругался: воины просыпались и вскакивали, хватались за оружие. В глазах бешенство, рты оскалены как у настоящих волков. Из разбитых окон университета валил желтый светящийся дым, в смутном мареве метались какие-то тени, что-то грозно гудело. Языки пламени лизнули рамы, в черноту выстрелил тугой снопом искр.

– Что это было? – выругавшись, спросил в пустоту молодой полковник.

– Взгляд Некроса, – хмуро ответил огненный маг, морщась и размазывая кровь под носом. Но из ноздрей текло, черные капли обильно ложились на накидку. – Когда-то читал о нем. Страшное заклятие. Вроде бы применялось адептами давным-давно сгинувшего Белого Ордена.

– Похоже, кто-то из колдунов таки выжил, – проворчал Бран. Содрогнулся и опасливо отступил, глядя на зарево пожара. Пламя перекинулось на окна, но лизало древесину достаточно неохотно. Внутри трещало, метались смутные тени.

– Исключено, – неуверенно возразил Лин. – Я не...

– Позже! – перебил Альен. – Вперед!

Правитель первым побежал к двери. На ходу выпустил энергетические нити и связался с управляющим центром здания, после непродолжительной борьбы убедил духа-хранителя в том, что имеет право на вход.

«Волки» рванулись следом. Один арбалетчик прикрыл спину, а второй ушел далеко вправо. Мечник с полковником заняли фланги, чуть в стороне длинными прыжками мчался боевой маг. Глаза чародея казались раскаленными углями, вокруг тела танцевало призрачное пламя. Лин рассвирепел и частично сроднился со Стихией – высший уровень владения Силой для гентского волшебника.

Еще одним уколом энергии старший Альен сорвал печать с защиты второго этажа. Мгновением позже пришел отклик – упругий толчок на грани сознания. Теперь главный корпус признавал лишь ударный отряд, обладатели медальонов-пропусков стали обычными нарушителями. Как же хорошо, что перед поездкой догадался запомнить кодовые комбинации университетских защит. Без ключей взлом контуров занял бы часы...

Коротко кивнув Брану, маг-строитель сместился в сторону. Вперед вырвались арбалетчики, встали по обе стороны двери. Пока один прикрывал, второй рывком распахнул створку и рыбкой влетел внутрь. За ним втянулись остальные. Одновременно слева ярко полыхнуло и зазвенело – боевой маг проплавил защитные плетения крайнего окна, исчез в здании.

В корпусе Аш оказался последним, с полминуты привыкал к мраку обширного холла. Но как только стал различать силуэты величественных колонн, тяжелых столов и статуй, на цыпочках пошел к лестнице. На миг замер у первой ступеньки, наострил уши. Сверху по-прежнему долетал треск и гул, пахло дымом и чем-то едким.

Кто тот незнакомец? Ведь явно разрушил заклятие, чуть не убившее разведчиков. И как вошел? Дух-хранитель попросту никого не заметил.

Но мысли выветрились, когда «волки» ринулись вверх по ступенькам. На втором этаже правитель жестом приказал бойцам подождать. Обратился к зданию, зажег светильники, усилил защиту от возгорания. Затем нащупал сознание боевика и, убедившись, что маг проник в коридор, наглухо запечатал выход на вспомогательную лестницу. Попытался активировать и следящие плетения подконтрольные духу-хранителю, но неудачно. Всплеск магии выжег незримых наблюдателей.

– Осторожней, – предупредил полковника маг-строитель.

Бран кивнул, группа двинулась по узкому коридору с деревянной облицовкой стен, позолоченными узорами и красной ковровой дорожкой. Под потолком ровным голубоватым светом горели лампы, с картин сурово и пристально смотрели великие чародеи прошлого. На одной из самых старых мелькнул Леонид, основатель современной школы – высокий бородатый мужчина с иссушенным лицом и неприятным колючим взглядом. Одет в длинную мантию, украшенную затейливыми узорами, но в руках как символ прошлой эпохи – тяжелый резной посох с оголовьем в виде хрустального шара.

Магия пропитывала краску, дополняла искусство художника налетом иллюзии. Глаза великого реформатора казались живыми, одежды колыхались, а символы на посохе горели дивным белым огнем...

Часть коридора тонула в густой пелене, воняло горелым. Вскоре из мглы как гигантский факел вышел боевой маг, качнул головой – чисто. Бран хмыкнул, указал на дверь, из-под которой валил дым. Лин зажег в каждой ладони по огненному шару, выставил вперед щит желтоватого пламени и подождал, пока бойцы займут позиции.

Однако осада по правилам сорвалась, ибо опять раздался полузадушенный крик. Алену показалось, что слышит и второй голос, почувствовал укол магии. Но едва попытался отследить источник, легкое дуновение исчезло. С той стороны затрещало, затем раздался топот, и резная створка с оглушительным грохотом распахнулась.

В лица бойцов ударил раскаленный воздух, плотное облако дыма разбилось о противоположную стену. Из мглы выпрыгнуло страшное существо: покрытое сажей и копотью, обгорелое и окровавленное. Взыло и, не разбирая дороги, бросилось напрямик на мечника.

К счастью воин отреагировал как должно – плавно скользнул в сторону, коротко ткнул противовесом клинка прямо в морду твари. Мокро хрустнуло, монстр подавился криком и как подкошенный рухнул навзничь. Боец заученно поменял хват и занес меч для последнего добивающего удара.

– Стоять! – рявкнул Аш.

Клинок замер в волоске от горла поверженного. Жадно задрожал, стремясь пойти дальше, вкусить плоти и отнять жизнь. Но воин сдержался, медленно отвел оружие. Выдохнул и отступил прочь, вопросительно глянул на правителя, затем на полковника. Последний промолчал, хмуро рассматривая предполагаемого врага. Поморщился, когда сноп искр из комнаты опалил щеку, буркнул нечто невнятное. Маг отреагировал, метнулся в дверь. Рассерженный гул огня сразу затих, тревожные блики стали тухнуть.

Тот, кто поначалу показался демоном, являлся худощавым юношей, одетым в темно-коричневую мантию студента-механика. Правда, выглядел паренек не ахти: измазанный в копоти и саже, оборванный. Лицо покрывала корка запекшейся крови, лишь глаза безумно сверкали на темно-красном фоне. Волосы местами обгорели, по подбородку вяло стекала алая вязкая слюна. Юноша то и дело отхаркивал осколки зубов, кашлял и тихо выл.

– Кто такой? – громыкнул полковник, ухватив сопляка за шиворот.

Тот засучил ногами, приоткрыл рот и издал невнятный стон.

– Понятно, – пробормотал Бран, отпустил паренька и хмуро оглянулся на старшего Алена. – Мозги потекли.

– Там еще пятеро, – сообщил Лин, выйдя из аудитории. – Мертвы. Но странно, двое явно погибли от Взгляда Некроса, одному вскрыли горло ножом.

– В жертву себя принес? – брякнул полковник с отвращением. – Я слышал, колдуны иногда такое проделывают.

– Едва ли, – ответил боевой маг. – Во-первых, там пентаграмма с распотрошенным котом. А во-вторых, на остальных трупах я заметил остатки неизвестного заклинания.

– Может, не хватило Силы, и своих же решили прирезать? – буркнул Бран. – А тот умирать не захотел, принялся сопротивляться?

– Угу, – съязвил чародей. – Исходя из твоей логики, он дрался уже мертвый. Нас-то отпустило сравнительно недавно, а на трансформацию энергии нужно время.

– Да кто знает, на что способны поганые колдуны, – пожал плечами молодой командир. – Может и мертвым. Но одного не отнять – нас ждали. Найду того доносчика, на кол усажу.

Полковник грозил чем-то, ругался как сапожник, забывая проклятиями запоздалый страх. Аш же направился к двери и осмотрел аудиторию.

Разгром полнейший. Половина столов обратилась в чадные головешки, пол и уходящие вверх ступеньки покрыты сажей. Посреди пустого пространства рядом с преподавательской трибуной до сих пор тлела пятиконечная звезда, плавил пол. Посередине фигуры тускло бле-

стела лужица порядком подстывшей крови, обезображенным комком шерсти валялась тушка черного кота.

«Ублюдки, – подумал маг-строитель, посмотрев на тела в ученических мантиях. – Глупые ублюдки».

Как и говорил Лин. Ошибки быть не могло, мертвые действительно относились к секте Истины. Слишком близко к магической фигуре, да и расположение тел позволяло понять, что перед падением стояли в кругу. Нет, вариант с невинными овечками, случайно заглянувшими на шум, исключен.

Но что это? Два тела похожи на мумии: высушены до предела, с тонкой пергаментной кожей. Угодили под отдачу заклинания? У третьего перерезана глотка, причем рана нанесена так, словно кто-то подошел со спины. На лице у студента до сих пор написано изумление – следовательно, убийцу не видел.

Правитель подошел к трупам, присел на корточки и осмотрел рану. От густого запаха крови мутило. Но Аш преодолел отвращение, притронулся пальцем к алой лужице на полу. Интересно... плеснуло в аккурат на пентаграмму, затушило пару свечей. К тому же внешняя окрестность чуть затерта – умирающий зацепил сапогом. И высушенные тела валяются как раз напротив.

Взгляд мага-строителя отыскал последние трупы. А эти как погибли? Тела будто ошпарены кипятком. Лица и шеи в крупных волдырях, одежда обгорела. И боевик прав, в несчастных чувствовались остатки какой-то магии. Но определить происхождение невозможно.

Выводы не вдохновляли. Гибель горе-колдунов можно списать на ошибку в ритуале, если б не перерезанная глотка и следы чужого чародейства. И тот высокий человек в плаще с капюшоном. Привиделся? Или кто-то помогает? Но зачем? С какой целью? И почему дух-хранитель упорно твердит, что в корпус никто не заходил?

Хотя возможен и другой вариант – загадочный глава секты решил подчистить следы. Ребята почувствовали, принялись сопротивляться, и как итог – сорванное заклятие, пять мертвецов. Хотя логичнее дожидаться окончания ритуала.

От размышлений оторвал особенно громкий стон, звук пощечины.

– А ну говори! Говори, урод!

– Ы-ы-ы... а-ы...

Поморщившись, Альян встал и аккуратно прошел между лужиц крови, понаблюдая за тем, как полковник пытается привести единственного свидетеля в чувство. Но тот лишь мычал, бессмысленно вращал глазами. Неужто потерял рассудок?

– Постой, Бран, – хмуро проворчал боевой маг. – Так нельзя.

– Тебе что, жалко? – фыркнул командир.

– Не-а, – отмахнулся огненный. – Но твой способ неэффективен. Позволь, я.

– Да, пожалуйста.

Полковник отступил, а чародей всмотрелся в лицо пленного, нахмурился. Затем сосредоточился, вытянул руку и коснулся пальцем лба студента. Сухо затрещало, сверкнула мелкая искра. Юноша застыл колодой и вытаращил глаза, мелко задрожал. Взгляд стал осмысленным, медленно обошел присутствующих, прикипел к пентаграмме и трупам поделников.

– Говори! – рыкнул полковник. – Кто таков? Что тут произошло?

В глазах студента мелькнуло понимание, сменилось отчаянием и черной злостью. Парень напрягся, промолчал. Но в дело опять вступил Лин, легким касанием подарил пленнику очередную искру. И снова того скрутило в судороге, из носа и ушей хлынула вязкая кровь, а в горле родилось невнятное клокотание.

– Говори! – повторил Бран, схватив соплка за подбородок и заставив смотреть на себя.

– Идите к демонам! – выдавил студент. – Я... я не боюсь боли... мне нечего терять.

– Идиот, – констатировал полковник. – Давай, Лин.

Очередная искра вонзилась в лоб пленника, заставила биться и кричать. А затем еще одна и еще. Насколько понял правитель, маг использовал обычное тепло, но направлял на какой-то конкретный нерв. Это доставляло невыносимые мучения, что немного компенсировалось живительной составляющей Стихии Огня. Умереть паренек не мог.

– Хватит, – произнес Аш спустя пять минут.

Боевик послушался, отступил на шаг, а два воина подхватили чернокнижника под руки и привели в чувство пощечинами. Старший Альен наклонился и внимательно всмотрелся в затянутые туманом глаза пленника, спросил:

– Имя?

– Катись в Преисподнюю! – с трудом выговорил студент. Кривовато ухмыльнулся и выдал поток грязной ругани.

– Имя? – с нажимом повторил правитель. Подождал, сделал знак боевому магу. Но едва чародей воздел руку, во взгляде пленника отразился неподдельный ужас.

– Вы ничего не добьетесь. Истинные никогда не покорятся! Альены с приспешниками погибнут, мы поведем страну в лучшее будущее. Можете пытаться, но завтра к вам явятся другие и сгноят заживо!

Последние слова паренек буквально выплюнул вместе с кровью. Брызги попали на лицо и накидку Аша, но тот не заметил, продолжая сверлить студента пристальным взглядом.

– По какому же праву вы хотите встать во главе государства?

– Мы... сильнее, – прохрипел пленник. – И сделаем Свободные Земли могущественной державой, изгоним иноземцев, пойдем войной на Скифр и Оокран.

– Ага, – пробормотал старший Альен, понимающе переглянувшись с Браном. – А жрать земельку будете.

– Кору с деревьев, – подсказал полковник.

– Точно, – хмыкнул правитель. – Самое поганое, верят, что поступают правильно. Их кто-то использует, Бран.

– Согласен, – изрек воин. – Детишки заигрались в колдунов.

– Мы не играем, – прошипел паренек. – Мы готовы на что угодно.

– В самом деле? – перебил Аш. – Тогда никаких скидок, по-взрослому... Лин!

На кончиках пальцев мага загорелся оранжевый огонек, медленно потек к голове незадачливого механика. Тот вжался в стену и задрожал, впился взглядом в лицо правителя. Но Аш смотрел прямо и спокойно, холодно улыбался.

Пленник вздрогнул и как-то обмяк, закрыл глаза.

– Имя? – резко спросил старший Альен.

– Мараг Ирс, – одними губами вымолвил юноша. – Студент третьего курса факультета механики.

– Что здесь делали? – продолжил допрос маг-строитель.

– Старшие сказали, что должны подготовить теплую встречу, дали схему ритуала.

– А потом?

– Мы убедились бы, что явившиеся мертвы. Оставили послание для народа и ушли к месту встречи.

– Где?

– За городом. Глубокая лощина за Лысым холмом по дороге к Антражу. За час до рассвета.

– То есть Истинных в городе больше нет? – вклинился Бран.

– Нет, – ответил парень. – Мы знали, что после первой операции власти перевернут Гент вверх дном, перенесли лагерь в другое место. Но Старшие решили воспользоваться паникой, составили план...

– Где лагерь?

Студент мучительно скривился, но промолчал.

– Отвечай! – громыхнул командир «волков». Схватил паренька за плечо, попытался растормошить. Но хлипкий на вид студент даже не дрогнул, хотя Бран не церемонился.

Первым заподозрил неладное Лин, вскрикнул и оттолкнул правителя. Затем очнулся полковник. Попятился, потянулся к мечу...

Паренек распахнул глаза, и стало видно, что радужка исчезла за мутной белесой пленкой. По щекам потекли кровавые слезы, а изо рта хлынул поток горячей черной жижи. А через миг послышался взрыв, булькнуло и дробно застучало. Стены забрызгало едкой смолой, вспыхнуло чадное пламя.

Боль в отбитой пояснице прибавилась к рези в подживающих ранах. Но Аш отделался лишь легким испугом, чего не скажешь о «волках».

Встав на колени, Альен выругался. Взрыв разметал бойцов как сухие листья. Одного из арбалетчиков спасли латы и то, что находился относительно далеко. Оглушенный воин стоял на четвереньках, ругался и мотал головой как пес. А вот мечнику и второму стрелку не повезло: одному сожгло лицо, другого истыкало осколками костей. Тела дымились, плоть пузырилась и стремительно гнила, отваливалась целыми пластами...

Живой и невредимый Лин помог правителю встать, вместе кинулись к сидящему у стены Брану. Тот скрипел зубами и кривился, пытался дотянуться до застрявшего в плече длинного обломка бедренной кости. Страшный снаряд каким-то образом пробил гномьи доспехи. Но повезло, застрял неглубоко.

– Жить буду, – пропыхтел полковник.

– Скоро придут лекари, – попытался ободрить Альен. – Потерпи.

– Выбор у меня невелик, – криво усмехнулся командир «волков». – Но как глупо. Я видел, что с мальчонкой что-то происходит. Прозевал.

– Все прозевали, – уже спокойнее сказал маг-строитель. Заметил, что воин скребет пальцами пол и бросил через плечо: – Помощь!

– Вызвал дежурного, – буднично отозвался Лин. – Минут через десять будут тут.

– Долго, – проворчал правитель.

– Могу выжечь, – предложил маг. Присел рядом, с сомнением осмотрел рану и нахмурился. – Но я не лекарь, что за дрянь не знаю.

– Действуй!

– Тогда держите крепче.

Правитель уперся коленом в грудь полковника, надавил на здоровое плечо. Чародей поднял руку и сосредоточился, сотворил из пламени подобие ножа. Примерился и разрезал латы Брана, кольчугу и стеганный жилет. Аккуратно выдернул кость и брезгливо отшвырнул прочь, вонзил магический клинок в рану.

Мясо зашипело, но отвратительный звук вскоре перекрыл отчаянный крик. Бран забился, чуть не сбросил Аша. На помощь кинулся оставшийся в живых арбалетчик, и вдвоем намертво пригвоздили командира к полу.

Спустя несколько минут все закончилось, гниль исчезла, потекла здоровая алая кровь. К тому времени полковник умолк, потерял сознание.

Едва переведя дух, старший Альен почувствовал приближение нового отряда, наскоро перенастроил защиту корпуса. И едва подоспели стражники, проследил за тем, как уносят Брана, позволил вывести и себя на свежий воздух, уселся на скамейку.

Воины оцепили здание, проверили каждый закуток, каждый куст. Волшебников набежало с три десятка, сразу помчались на второй этаж изучать следы. Несколько лекарей склонились над трупами, хмуро переговаривались. Кто-то кричал, ржали лошади, свет факелов и светильников разгонял тени, озарял множество мрачных и встревоженных лиц...

– Выпейте, – сказал Лин, усевшись рядом и подав Ашу склянку с какой-то зеленой жидкостью. – У лекарей позаимствовал.

Правитель послушно кивнул и глотнул зелья. И только теперь сообразил, насколько измучен. Видимо, давали знать последствия Взгляда Некроса помноженные на хроническое недосыпание. Но эликсир помог, изгнал слабость.

– Собери отряд, – сказал Альян. – Едем за город.

– Уверены? – засомневался чародей.

– Мы обязаны выйти на главарей, – упрямо возразил правитель.

Осуждающий взгляд Лина говорил: да куда же тебя несет, когда ноги едва тягаешь? Но субординацию в него вбили крепко, и потому кивнул, направился к группе бойцов неподалеку, позвал кряжистого седоусого десятника. Аш же и не заметил, как исчез маг. Сидел, пытался собраться с мыслями и злился на себя за слабость, глупость. Лезть без оглядки действительно было дуростью, вот и потерял людей. Но с другой стороны, если б немного опоздали, то утром погибли невинные студенты и преподаватели...

Или нет. Ход слишком очевидный. Враги наверняка знали, что правители ищут их, подбросили приманку. А он устал сидеть в кабинете и ждать плохих вестей. Хотел действия, хотел прищучить мерзавцев, осмелившихся кинуть вызов. Ну, и нарвался.

К слову, а что если вражеский план имеет не два дна, а больше? Чересчур подозрительно... студент взорвался ровно в тот момент, когда собирался сказать о лагере бунтовщиков. Старшие ощутили слабинку в подопечном, активировали заклятие самоуничтожения? Или четко рассчитано? Мол, если не сработает ритуал, то живая бомба, устроим ловушку и в месте встречи? Хм.

Ко всему прочему как объяснить срыв заклинания и ножевую рану одного из чернокнижников? Списать на необходимую жертву по версии Брана? Кошки не хватило, решили дружка замочить?.. Чушь. Был кто-то еще. Кто-то спокойно преодолел защиту здания и уничтожил колдунов, спас разведывательный отряд, ушел через разбитое окно.

Но кто этот неизвестный?

Думы бродили вокруг да около, нарезали круги, кусая друг друга за хвосты. И выхода из лабиринта не предвиделось, что раздражало сильнее. Старший Альян колебался. С одной стороны он интуитивно чувствовал грядущие неприятности и страшился надеть больше ошибок. А с другой хотел довести дело до конца, отыскать следы заговорщиков, выдернуть тени на солнечный свет.

Так, в сомнениях и спорах с самим собой и прошел битый час. Очнулся правитель уже верхом на коне в окружении отряда из пятидесяти отборных ратников и пятерки боевых магов, на пути к городским воротам. И вновь ночные улицы Гента бежали навстречу: фонари, мостовая, тени деревьев и десятки сияющих глаз-окон...

«Ладно, – решил старший Альян, приободренный свежим ночным ветром. – Но теперь с мечом наголо не полезу, сначала пушу опытных пластунов. Пусть проследят за теми, кто намеревался встретить колдунов, пройдем до самого логова...»

И словно почувствовав изменившееся настроение правителя, дотоле еле плетущийся отряд вырвался на главную улицу, помчался во весь опор. Мимо чередой огней проплыл Новый город, узкие улочки Старого, в конце концов показались восточные ворота. Откуда ни возьмись вынырнули стражники, окинули цепкими взглядами поздних путников. Спустя минуту послышался скрип цепей и надсадный вой магического движка, толстенные створки медленно-медленно поползли в стороны.

Полсотни «волков» вырвались из душного плена Гента и растянулись по дороге, разбросав в стороны маленькие группки дозорных. И вскоре исчезли последние фонарные столбы, темная линия городской стены слилась с миром, мелькнули две кляксы деревенок. Одна, Аш знал, за последние годы окончательно умерла, вторая держалась за счет стариков и пришедших

с границ калек. Надолго ли? Неизвестно. Городов и поселков-призраков за последние десять лет развелось слишком много...

Цепь холмов и глубоких лесистых логов сменилась равниной. Над головой развернулось величественное полотно тьмы, густо усеянное россыпью бледных звезд. Но затем дорога опять нырнула в овраг, и небо скрылось за кронами.

«Четверть часа езды», – подумал правитель, вспомнив карту. Нужно командовать остановку, рассылать дозорных и мучиться бездельем. Балка удобная, заросли низкорослого ельника и кустов примыкают к склонам вплотную, так что «волкам» не придется обдирать животы, пробираясь ползком. В крайнем случае можно разделить отряд так, чтобы устроили заграждение. Если врагов немного, то пугнут, погонят напрямиком в руки соратников.

Аш позвал Лина и объяснил план. Тот в свою очередь отдал честь, отъехал в сторону и сосредоточился, связываясь с кем-то из младших чародеев в голове колонны. И вскоре послышались команды, некоторые бойцы расслабленно сбрасывали капюшоны и снимали шлемы. Поняли, что спешка ни к чему, успеют и подготовиться, и подремать вполглаза.

От походной суеты Ашу немного полегчало, гнетущие предчувствия отступили. Он скорее ощущал, чем видел, как замедляется колонна. В балке темно, хоть глаз выколи, света звезд не хватало. Но судя по звяканью шпор, вздохам и скрипу кожи, тусклым бликам на пластинах лат, ратники покидали седла, разминали ноги... Не все конечно. Авангард в количестве полутора десятков бойцов продвинулся дальше по склону – видимо кто-то из десятников захотел осмотреться.

«Мы это сделаем, – с возрастающей уверенностью подумал Альен, поддавшись деловитому настроению воинов. – Сделаем... возьмем мерзавцев».

И будто в ответ на мысль впереди раздалось испуганное ржание, затем влажный хрюск, и тут же – непонятный гул, почти вой. Масса передовой группы колыхнулась, ночь взорвалась демоническим гамом, в котором смешались хриплые стоны и надсадный свист, хруст веток, удары.

– Наших бьют! – крикнул кто-то. – Поможем!

– Назад, кретин! – хрипло ответили смельчаку. – На землю! Прикройте Альена!

В словах второго солдата имелась логика – бросаться во мрак, не зная, что там прячется, самоубийственно. Побежишь спасать, и умрешь сам, утащишь друзей. Нет, лучшая тактика – ожидание, холодный расчет...

Но реальность слегка отличалась от голых размышлений. Во-первых, сработал эффект неожиданности, и эмоции пересилили рассудок. Во-вторых, никто им не дал времени успокоиться, прийти в себя. И получилось так, что одни впали в ступор, другие кинулись исполнять приказы, а третьи ударились в панику. Отряд смешался, ниточка, делающая их единым организмом, оборвалась.

Для правителя произошедшее уложилось в три удара сердца. Когда разразилась буря, инстинктивно вжал голову в плечи и подметил силуэт всадника, двинувшегося в его сторону. Ратника поглотила тень деревьев, стерла с лица мира. Одновременно раздался уже знакомый гул, частый стук, и из пустоты вырвался одинокий конь, вихрем умчался прочь.

Жеребец Альена испуганно всхрапнул и отпрыгнул с дороги прямо в колючие заросли. Чудом Аш сумел выдернуть ноги из стремян, кувыркнулся и покатился по склону глубокой канавы. Ругнулся ушибам, нахлебался воды в мелком ручье, но тут же пополз обратно, вскарабкался к обочине.

– Свет! Нужен свет!

Кричавшего слышали, в пустоту со свистом ушли огненные шары, взорвались и подожгли ветки. Алые блики озарили нечто массивное впереди, смахивающее на медведя-шатуна, густо укрытого палой листвой и грязью – тяжелая туша, уродливая и оплывшая. Казалось, неизвестная тварь выросла прямо посреди тракта.

Но через миг до правителя дошло, что существо искусно спрятали, закопали. Вот и не увидели ничего подозрительного всадники авангарда, проскакали над ним. За что и заплатились... Беглого взгляда хватило, чтобы понять: передовая группа полегла в полном составе. Багряные отблески пожара озаряли искаженные мертвые лица, трупы людей и лошадей, играли на рваном металле и вывороченных внутренностях.

Поганое предчувствие не обмануло, их ждала еще одна ловушка. Неизвестные противники оказались хитрее и устроили засаду на подходе к месту встречи со студентами. Аш же то ли в силу усталости, то ли из-за обуревающих эмоций не предугадал самого логичного хода противников.

Дрянь!

С языка сорвалось проклятие, а монстр как услышал, завозился, с лязгом и скрежетом выбрался из ямы. Отмахнулся громадной клешней от парочки смелых дураков, кинувшихся в атаку, выставил вперед другую руку. Эта выглядела иначе – странная конструкция в виде множества трубок, расположенных вокруг единой оси. Колесо дрогнуло и завертелось, по смешавшемуся отряду хлестнули стальные стрелы: разбросали десяток солдат, подрубили несколько тонких елок.

В ответ по броне гиганта чиркнули арбалетные болты. Какой-то маг сотворил ветвистую молнию, Лин добавил сгустком огня. Но без толку, существо покачнулось и отступило на шаг, не более. Пламя опало и потухло, оставив пятно... пятно разогретого металла.

Голем!

Понимание булыжником ударила в голову, разбилась на десятки предположений, сотни мелких несвязных образов. Убегать? Нападать? Прятаться? Куда? Зачем?..

Аш элементарно растерялся, со страхом глядя на машину. И как-то отстраненно подмечал: колесо на руке монстра продолжает вертеться, выедавая свистом мозг. Короткие дропки темными росчерками режут ночь, сбивая солдат на землю, прошивая доспехи и разрывая плоть. В стороны разлетаются кровавые брызги, клочки одежды и кожи, чьи-то мозги...

Середина колонны легла как зрелая пшеница под косой. Быстро, практически мгновенно от отряда осталось меньше половины. Но те, кто стояли в арьергарде успели сообразить что к чему. Часть воинов попятились, подняли щиты, стараясь выстроиться в линию. Тем временем несколько арбалетчиков сделали залп и разбежались в стороны, чтобы отвлечь голема.

Маневр ничуть не обманул монстра. Да и двигался он гораздо быстрее, чем можно было предположить. Лязг брони, шаги – и громадная тень стремительно вломила в чашу, прорвалась сквозь подлесок и настигла залегших у обочины стрелков. Кого-то машина раздавила как тараканов, кого-то пристрелила в упор. Двинулась на мечников, но покачнулась и дрогнула, поймав очередную молнию.

К счастью маги успели выстроить защиту, спрятались под пламенным куполом. И даже успели сплести пару-тройку заклятий, которые если и не повредили голема, то дезориентировали. Вторая молния заставила тварь отступить, огненные шары и огромная сосулька закрепили успех. Гигант ответил болтами, но снаряды отскакивали, сгорали. И пока Лин держал полог, остальные чародеи торопливо сплетали потоки энергии в новые контуры...

Как бы то ни было затеплившаяся надежда рухнула, когда из-под сени деревьев беззвучно выплыло облачко черного дыма, задело чародейский щит и стало пожирать как кислотой. Дропки голема тут же пробили преграду, раскалились и замелькали багровыми каплями. Подожгли несколько деревьев, изрешетили волшебников и пошли косить сбившихся в плотную кучу бойцов.

«Они слишком привыкли к рукопашной, – отстраненно подумал Альен. – Здесь нужна иная тактика. Разбежаться, рассеяться, атаковать из-за укрытий. А еще тварь прикрывали колдуны...»

Тусклая смесь эмоций превратилась в злой шквал. Правитель ясно осознал – не сон, не иллюзия, не морок, он потерял свою маленькую армию, потерпел поражение и вот-вот погибнет сам. Вздрыгнул, очнувшись от ступора, и открыл рот для приказа к отступлению. Но свист болтов стал неожиданно близким, вокруг застучало, предплечье пронзила раскаленная игла.

От боли Аш качнулся назад, начал вставать. Но получил стрелу в грудь и рухнул на спину, укатился обратно в канаву.

Он не успел толком испугаться, настолько быстро все произошло. Страх пришел, но куснул внутренности холодком и исчез, растворившись в недоумении. Правитель не хотел верить в случившееся. И до последнего сопротивлялся тьме, что пожирала сознание, пытался встать, но безнадежно проигрывал.

Смерть всегда рядом с нами. Всегда готова задушить во сне, зарезать в ночи, отравить, заразить воспалением легких, да просто раздавить маленький сосудик в голове. Мы чувствуем ее ледяное дыхание, но упрямо и брезгливо отворачиваемся, как от грязной нищенки. На самом же деле страшимся близости конца и осознанию того, что в любую секунду исчезнем: от любого пустяка, случайности. И как бы глупо, по-детски, ни было, но делаем вид, что бессмертны...

Так легче. Так проще. И порой сами бросаемся в объятия Костлявой. Бравлируем, надеемся, что напав, испугаем отвратительную бродяжку. Но, естественно, ошибаемся.

Ей наплевать на наши ужимки, она берет то, что пожелает. И если очень напрашиваемся, глупим, то может принять жертву раньше положенного часа.

* * *

– Продай воды, – попросил я. Облизнул растрескавшиеся губы, с мукой посмотрел на деревянный ушат с тонким налетом вожделенной влаги на дне. – Дам золотой.

– Нет, – буркнул мужик. – Мне самому надо. Что с тучкой пришло, то и собрал. Когда еще дождик нагонит...

– Два золотых, – не задумываясь, сказал я и вытащил из кошелька монеты.

Молчание.

– Три. За глоток.

Солнце отразилось в очередном желтом кругляше, монеты мелодично зазвенели. Но звук, что в Дорамионе заставлял сердца обывателей сладко щемить, здесь ничего не значил.

Проклятая жара! Проклятый край!

Последний, похоже, проклят в прямом смысле слова. После «проплешины» я не нашел ни одного ручья или родника. Те колодцы, что видел на мертвых хуторах и в деревнях, оказались совершенно сухими, а в бочках и кувшинах влага давно испарилась. И заклинания, призванные выводить источники на поверхность, не действовали. Пить же хотелось с каждым часом сильнее, знойный ветер буквально высасывал влагу из тела.

Взгляд оторвался от лужицы на дне ушат. Я посмотрел на иссохшее поле, на сады с желтой листвой, на селение: покрытые соломой избы, несколько амбаров и сараев, подобие кривоватой улочки в обрамлении покосившихся плетней. Домики крепкие, в свежей известке – словно с картинки сошли. Видно, что жители любили работать, держали хозяйство в порядке.

Да, именно в прошедшем времени. Любили. Сонную тишину изредка нарушали скрипы ветвей, невдалеке одиноко хлопала дверь. Ветер посвистывал в дымоходах и перебирал чуткими пальчиками зубцы грубоватых вил и граблей, прислоненных к стене ближайшего хлева. Чуть дальше, за зарослями смородины черным оскалом щерилась обугленная рама. В воздухе витали запахи мокрой земли, гари и сладковатого тлена.

Трупов хватало. И я знал, что увижу, если забреду к центру деревни – кучу тряпья, обугленной утвари и скелетов, вздувшихся обезображенных тел, которые не сумело обглодать пламя.

Конечно, я не торопился глазеть на такое зрелище. Но не столько из-за чудовищности того, что могу узреть, сколько из опаски испытать благоговение, религиозный экстаз. В самом воздухе носилось безумие, а возле кострищ справиться с ним было особенно трудно. Мысли путались, в сознании беспокойно шевелился Мститель. И меня то подмывало воздать молитву, то кого-нибудь убить.

Потому в последние часы и избегал поселений. Но сюда прибежал из последних сил, так как заметил тучу, тонкую завесу дождя. Понадеялся найти какую-нибудь посудину с водой. Но когда примчался, в мыле и на подгибающихся ногах, стал свидетелем, как чудом выживший крестьянин сливает последнюю влагу из мелких плошек.

Выглядел мужик откровенно хреново. Тощий и грязный, облаченный в рубище. Впалую грудь покрывала спутанная седая борода, волосы обратились засаленными сосульками, взгляд дикий, бегающий.

На мое появление крестьянин отреагировал достаточно адекватно и прогнозируемо – рванул к избе. Но вспомнив о воде, вернулся и заслонил ушат. Как я ни уговаривал, мотал головой, шамкал беззубым, побитым цингой ртом: «Мне самому надо».

– Четыре золотых.

– Нет.

– Могу ведь и так отобрать, – пробормотал я, отчаявшись выдурить хоть каплю.

Сквозь плотный загар на лице селянина проступила мертвенная бледность, колени задрожали. Но отступить мужик и не подумал, шагнул вперед и с вызовом произнес:

– Режь! Коли!..

– Испарится быстрее, чем выпьешь, – вздохнул я.

– Нет, – прошамкал крестьянин, с тревогой посмотрел на избу. – Я не себе... жене. Жена у меня хвора.

– Тогда может, обменяемся? На три глотка?

Попытка вспомнить, что такого ценного завалилось в сумке, ни к чему не привела. Но я таки приоткрыл, с омерзением отпихнул голову Кальвина, завернутую в рубаху, и пошарил на дне. Пальцы нащупали запасной нож, огниво, связку бумаг и письменные принадлежности, кусочки мела для пентаграмм, десятков полосок сушеного мяса, дубового как кора и такого же безвкусного. Пять из них я и показал мужику.

Тот впился полыхающим взглядом. Преувеличенно замедленно подобрал первую попавшуюся кружку с отбитым верхом и аккуратно зачерпнул. Протянул мне, а сам выхватил снесь, обнюхал и лизнул.

Пожадничал, в кружке не хватило бы и на добрый глоток. Но я не стал спорить, выпил. Почти горячая, отдающая тиной вода показалась удивительно сладкой, смочила пересушенную глотку.

– Где остальные?

Селянин вздрогнул и втянул голову в плечи.

– Кто?

– Люди.

– Ушли, – шепнул мужик. Как-то разом напрягся, посмотрел с затаенной ненавистью. – Ушли, мил человек. Спасителя славить.

Очаровательно. Подобно жителям иных деревень и хуторов народ поддался «зову» Алара, превратились в живых зомби. Кого накрыло сильнее, уничтожили других, с волей покрепче, обвинив в ереси. А если точнее, то банально принесли в жертву.

Но почему этот жив? Видимо повезло, спрятался где-то в подвале вместе с женой. И на внушение отчего-то не отреагировал.

– Понятно, – пробормотал я. – А куда ушли, уважаемый?

– В город, – ответил крестьянин.

– В какой?

– Ну, в город же. Тут недалеко.

Указав пальцем на северо-восток, селянин заграбастал ушат и сушеное мясо, засеменял к избе. А я, поколебавшись, отказался от дальнейших расспросов. Смысл? Явно повредился умом. Но если не изменяет память, в полудне пути отсюда и правда есть городок, принадлежащий какому-то из аримионских баронов.

И дыхание Силы идет именно с того направления.

Поколебавшись, я пошел вслед за крестьянином – а вдруг действительно нужна помощь умирающей женщине? Но едва приблизился к порогу, все понял. Из проема дверей ощутимо несло духом разложения.

Я отступил, затем подошел к окошку. Ни стекол, ни бычьего пузыря, ставни распахнуты. А внутри грубая лавка, на ней тело. Одного взгляда на вздутое синюшное лицо и копошащихся в глазницах червей хватило, чтобы вызвать приступ тошноты. Но я смотрел. На тучи мух, на гниющую рану на шее, и на темный нож, зажатый в иссохшей руке.

Убила себя, отдала на суд Светозарного. А муж сошел с ума... ибо сейчас поил мертвую, что-то нашептывал.

Видимо, безумен дважды не станешь. Лишившись рассудка, крестьянин перестал реагировать на внушение. Голос Алара смешался с десятками других, растворился в обрывках болезненных мыслей.

Не в силах больше терпеть бьющий из окна смрад, я развернулся и пошел прочь. Нашел дорогу, свернул на развилке. Селянину никто не поможет. И ничто. Нет заклятий, которые могли бы исцелить разум.

– Как тебе картинка? – послышался в мешке свистящий шепот.

– Отвали! – буркнул я, моментально разъярившись, так как обнаружил, что Древний незаметно подключился к моему зрению. Но вздохнул, успокоился и просто разорвал чужое плетение, ускорил шаги.

– А чего ты ожидал? – снова подал голос Кальвин, ничуть не смутившись тому, что я обнаружил заклятие. – Что Алар будет обездоленным губы медом мазать? Нет, братец твердо решил добиться цели. А для этого нужны силы и армия. В одиночку и в прямом столкновении проиграет, сколько бы энергии ни выпил из Поднебесного. Терн вместе с остальными сотрет светлого в порошок.

– Но? – настороженно спросил я.

– Чем больше Светозарный поглотит душ, тем больше человечков способен покорить, – ответил Древний. – Площадь влияния прямо пропорциональна уровню Силы. Если сумеет подчинить хотя бы часть Дорамиона, обретет такую власть, что легко расправится с моими братьями и сестрами. А потом вырвет из Терна знание о расположении Камня, навсегда изменит Сущее.

– И потому племянник Остролиста тоже собирает армию, – сказал я, немного поостыв. – Чтобы не позволить прорваться на другое, более обильное пастбище. В Дорамионе городов побольше.

– Умный человек, сообразительный, – хихикнул Древний. – Слабость Алара в людях. Если вовремя отобрать паству, если остановить сбор, потерпит поражение.

Клен умолк, а я задумался о причинах его внезапной разговорчивости.

Падший давно сообразил, что по каким-то причинам нужен мне и перестал реагировать на угрозы. По большей части безмолвствовал, пытался восстанавливать энергетическую

оболочку. Но иногда таки открывал рот и поливал меня изошренной руганью, проклятиями. Порой, вот как теперь, снисходил до ехидных замечаний, в которых сквозили намеки.

Внимания на него я почти не обращал. И даже не мешал работать над восстановлением, все равно получалось у Кальвина медленно. Призрачный клинок повредил нечто действительно важное, разорвал связи между ментальной и энергетической оболочкой...

Однако сейчас реплики вызвали интерес, заставили думать.

Падший намекал на то, что битва между Аларом и Мроном неизбежна. Но я и раньше знал, что Светозарный готовится штурмовать границы Дорамиона, а темный – обороняться. И догадывался о причинах, последствиях. Просто теперь предположения стали знанием.

С другой стороны бодаться станут до последнего. А это важно. Важно по той причине, что весы начнут колебаться. И именно тогда можно ударить, разрушить равновесие.

Но сказал сие бог Морей не для того, чтоб прояснить ситуацию. Он боялся. Боялся, так как начал осознавать, куда направляюсь...

И я не вытерпел, хотел расспросить подробнее. Но едва открыв рот, почувствовал накачивающую дурноту, шум в ушах. Споткнулся и упал прямо в горячую пыль, тихо застонал.

Мир померк перед глазами, ноющая боль под черепом превратилась в гудящее пламя: выжигающее мысли, плоть и кость. И вместе с тем из тьмы в который раз явились образы огромной пещеры, множества людей в мехах и плохо выделанной коже. Гремел голос Остролиста, окровавленный палец оставлял на скале дорожку багряного пламени.

Шаман зывал, приказывал. Дрожали стены, пугливо колебались огни факелов и плясали тени, с потолка сыпались камни. Люди же стояли и смотрели, не в силах вздохнуть, пошевелиться. Я стоял среди них, испытывал ужас, восхищение, надежду. И вслед за братьями повторял:

– Агарок. Агарок. Агарок!..

Стена пещеры впитывала кровь, отзывалась на голоса, оживала, наливалась внутренним светом прямо на глазах. И пульсировала. Незаметно на первый взгляд, но верно, как гигантское сердце...

Блеклая вспышка разогнала мрак перед глазами. Я очнулся, сидя в дорожной пыли: дрожащий, потный и обессиленный. Но уже через секунду полез в сумку за кипой листов, принялся записывать.

На этот раз удалось разобрать еще несколько слов. Помог Дар Предков. И я мало-помалу догадывался, что за заклинание читал дядюшка Терна. Он не рисовал Схему Сил... он призывал ее, воплощал Отражение.

Оказывается, мировой порядок не создали, как мы с Ирном отчего-то думали. Точнее, может и так, но далеко не Древними. Те просто сохранили его образ в Камне. А сохранив, сотворили обратные связи и просто подкорректировали потоки энергий так, чтобы Лес потерял Силу.

Камень – есть инструмент. Так сказал призрак Остролиста в Логеборе. Инструмент обрек эльфов на вымирание. Заставил уйти Древнолесье в иные миры, выдавил из нашего. Часть стала Новердом, призрачными чащами. Часть вытолкнуло дальше, в Логебор, часть просто сгнула, засохла.

Осознание сего факта ввергало меня в ступор, так как не предполагал, что все настолько просто. И сложно в то же время.

Инструмент...

Отражения – достаточно распространенный прием в Высшей магии. Ведь чаще, обращаясь к каким-то духам, сущностям или Стихиям невозможно запросто вызвать пред свои светлы очи. У некоторых, к слову, и облика-то нет. Зато можно сотворить связь, метафизический и абстрактный образ, воплощающий часть свойств объекта. Эдакую дверцу. Или окошко. Пропустить силу, осуществлять взаимодействие.

Призрачный меч, коим отрубил голову Клену – Отражение. Малые Отражения используют ученики Ирны, чтобы познать суть Стихий. Великие творятся на полях сражений: дабы вызвать пламенное море, расточить воды или обрушить на врагов бурю. Но последние жрут чересчур много сил, требуют подготовки, ритуалов и зачастую – жертв.

Правда, трудным вызов Великих Отражений остается для обычных колдунов и волшебников. Серым дается легче. И теперь я понимал отчего.

Имена! В формулах Ордена спрятаны имена.

И то же я слышал в видении, регулярно посещающем после необдуманного ментального контакта с Кальвином. Слова заклинания, читаемого Остролистом – просто имена, призывающие Стихии, Престолы. И дабы усилить голос, использовал Дар Создателя, свою кровь.

Также шаман закрепил Отражения Престолов за предметом, осколком монолита. И чтобы те не ушли, не выдохлись, отдал свою кровь, дал Имя куску скалы.

Агарок – в переводе Кровавый Камень. Только со временем видимо стали называть Краеугольным.

«Тьма! – мелькнула мысль. – Вот так и свивается из ниточек веревочка. И проболтался Клен страшно. Фактически выдал фундаментальную тайну в приступе злости и отчаяния, потом очнулся, но поздно... я уже привык выстраивать цельные мозаики из недомолвок и обрывков сведений».

– Что ты делаешь? – напряженно спросил Древний из сумки, будто почувствовав, что подумал о нем.

– Отстань, – довольно грубо ответил я, вспоминая очередное слово, и записывая транскрипцию на дорамионском диалекте.

Если видения продержатся достаточно долго, то вполне вероятно смогу повторить заклинание, использовать. Получится ли разрушить Краеугольный Камень неизвестно, но есть шанс активировать Схему и собственной кровью подправить потоки.

Возможно, Остролист при создании Черепа и рассчитывал на нечто подобное. Что артефакт кто-то найдет, станет Древним по крови и разберется в происходящем, решит исправить ошибки прошлого.

Или не рассчитывал. Просто надеялся.

Так или иначе, проделать с богами то же, что те сотворили со светлорожденными – реальный выход. И вариант, дающий надежду.

Нужно ли говорить, какое волнение я испытывал? Ведь до сих пор, в общем-то, не понимал, как справиться с Терном. А теперь у меня имелись две половинки плана. Хорошего плана. Хотя и зыбкого, зависящего от множества переменных и случайностей.

Но хоть какого-то. Если звезды сойдутся, то получится.

Я спрятал бумаги в сумку и немного посидел, унимая дрожь в руках, головокружение. Кое-как очнувшись, с трудом поднялся с колен и тихо выругался. Приступы несли знания, но изматывали, сбивали с толку. Добивала и жара, навязчивое безумие, витающее в воздухе.

– Откаты быют? – ехидно поинтересовался Кальвин. – Ты идиот. Мог ведь и мозги себе сжечь.

– Не сжег, – вяло возразил я. Помолчал и, не надеясь на ответ, спросил: – Почему Алар не призовет Агарок? Ведь знает имя, может просто следовать эху.

– Зовет, – как ни странно ответил Клен. – Без толку.

– Почему?

– Сил не хватает. Или камень сам не хочет ему отвечать. У артефактов такого уровня может быть подобие разума.

– То есть ты не в курсе?

– То есть тебя стоит убить за то, что узнал имя Камня. Мне искренне жаль, что не сжег себе мозги в той глупой попытке разжиться знаниями за мой счет...

И бог разразился очередной длинной тирадой, перемежая площадную брань с проклятиями, выстраивая многоэтажные конструкции. Но я опять пожал плечами и поплелся по дороге, то и дело прислушиваясь к шепоткам в сознании. Шел, сосредоточившись на том, чтобы передвигать ноги, чтобы не упасть.

Тракт начал вилять между высоченных холмов. Навстречу попалась чахлая дубовая рощица, затем вторая, вдалеке показалось безбрежное море лесов. Ненавистный глаз солнца скрылся в ветвях, и я смог вздохнуть спокойнее, хотя жажда мучила почти невыносимо.

Кожу по-прежнему жгло, дыхание чужой Силы ощущалось явственней. Накатывало испепеляющими волнами, заставляло путаться мысли, вызывало ноющую боль в груди.

Прошло несколько часов, прежде чем Клен вновь решился заговорить. И теперь ненавидящие нотки исчезли из голоса:

– Смени направление.

– Зачем?

– Ты лезешь прямиком Алару в пасть.

– Ну, вот и замечательно, – безразлично ответил я. А сам подумал, что большинство аримионцев свихнулись не зря. В Астрале и Ментале творилось нечто невообразимое.

Обычно первую сферу я воспринимал как сумрачный мир, наполненный тенями – духами, полуразумными сущностями. Во вторую никогда не спускался, умения не те, но при должном усилии слышал ее: обрывки чьих-то мыслей, смутные видения, сны.

Сейчас Астрал заполняло пламя, а в Ментале звучал Глас. Трубный, пробирающий насквозь. На сознательном уровне обыватели, конечно, ничего не ощущали. Но на подсознательном внимали, слушали и сходили с ума. Я же отгораживался и защищался, как мог, но испытывал боль.

К тому же астральные бури влияли на магические потоки, искажали заклинания. Желая вывести родник к поверхности, я едва спасся от взрыва: земля просто харкнула щебнем и пылью. Позже вызвал духа-Дозорного, но начало приближаться нечто раскаленное, обжигающее. И я в панике оборвал плетение, чуть не явив перед собой солара.

Ко всему прочему стало очевидным, что уйти в Логебор отсюда не удастся. Свет, бурлящий повсюду, закрывал проходы в Страну Теней.

Насколько простиралась зона влияния Алара, я не знал. Хотя подозревал, что на многие сотни тысяч шагов вокруг. Пешком выйти нереально. Либо превращусь в безумца, либо потоки Силы сожгут ядро. Но и ускориться толком не могу. Бежать бесполезно, порталы не открываются, лететь тоже вряд ли получится.

Озадачившись, я начал искать заклинания, работающие без сбоев. Пробовал то одно, то другое, разной сложности. Но попытавшись сотворить из первого попавшегося дерева голема-скакуна, сжег всю рощу. А призвав из иных планов бытия крылатого духа драконида, получил нашествие насекомых и едва успел убежать от гудящего роя мух, комаров и пчел. Даже обыкновенный огненный шар сначала взорвался бесполезными искрами, потом вспыхнул огромным языком пламени.

Отчаявшись добиться внятного результата от сложной магии, я скорее от безысходности испробовал Знаки. И был вознагражден – элементарное волшебство прекрасно действовало.

«Кретин! – подумал я растеряно, посмотрел на воронку в земле от Знака Огня. – Узколобый кретин. Привык к плетению кружев, забыв о дубине. А простые вещи работают, когда сложные предают и ломаются...»

Но очнулся я довольно быстро и торопливым жестом вызвал символ Воды, наполнил флягу и вдоволь напился, привычно обругал себя за глупость. Без злости, с тусклой улыбкой.

Появилась надежда. Пусть Знаки статичны, слабо изменчивы, но у меня имелся опыт передвижения с их помощью. Не сильно удачный, но как улучшить эксперимент мысль появилась...

И все же, почему остальную магию лихорадит, а Знаки работают?

Я спросил у Клена. И тот нехотя проворчал:

– Они старше словесных формул. Возникли до того, как мы научились говорить.

– Знаки – тоже имена?

– Не совсем. Сама суть вещей и явлений. Элементарные символы, закодированные изначально во все, что ни есть.

– То есть... – поразился я.

– То есть они – язык Творца, – сварливо ответил Падший. – Свидетельство Воли, присутствия.

– Но тогда зачем нужны имена?

– Да затем, что Знаками трудно оперировать, трудно разгадать. Сотни лет ушли на то, чтоб познать единицы.

«Вот почему ни Астральные бури, ни сила Светозарного не подействовали, – мелькнула ошеломленная мысль. – И потому Знаки не пьют личную силу, не награждают откатами. Язык высшего порядка, исходный и изначальный... О, Тьма!»

Заинтригованный я хотел расспросить подробнее, но не успел. Дорога круто вильнула и выскочила под открытое небо. У обочины показался труп крестьянина: подгнивший, зловонный, окруженный роем зеленых мух.

Я невольно сбился с шага. Услышал тревожное карканье, обернулся на звук и увидел жирного ворона, который, тяжело взмахивая крыльями, взлетел с тела девочки чуть поодаль от первого мертвеца.

Глаза выклеваны, лицо исполосовано глубокими царапинами, а босые ноги сбиты до костей. Цвет платья не определить, настолько старое и ветхое, волосы серые от пыли. И уже вздулась, начала разлагаться...

Вздвигнув, я отвел взгляд и прошел мимо. Но укрыться от запаха не смог. Не смог спрятаться и от реальности, ибо та преследовала повсюду. Через десяток шагов показался еще один мертвец, через двадцать – еще.

Тела свежие, хотя жара и разложение страшно изуродовали. Черные точки воронья отмечали на тракте смерти как чернильные кляксы, птицы кружили и в небе. А вдалеке, в знойном мареве плавали силуэты сельских изб, амбаров, мельница на холме, темной линией вилась городская стена, из-за которой выглядывали острые шпили флюгеров и флагштоков.

Небо подпирали столбы черного дыма. Дымились и сожженные поля, и развалины пригорода. И отсюда видно, что стену пятнала копоть, змеились трещины, кое-где зияли огромные проломы. Но ни беженцев, ни мародеров, ни криков, что случается сразу после успешной осады.

Тишина.

– Мы могли бы договориться, – шепнул Падший. – Я многое рассказал. Представь, что мог бы поведать еще. Сверни, и мы заключим сделку...

На этот раз я почувствовал, с каким трудом даются ему слова. Сила, бьющая из ворот, была враждебна как Древнему, так и мне. Мешала черпать энергию из окружающего мира, сковывала. Кальвин явно готовился наобещать, чего угодно лишь бы не заходил в город. И обещал, грозил, упраскивал. Но я не слушал, сосредоточившись на том, чтобы просто добраться.

Путь выдался не из легких. Сила, волнами расходящаяся от поселения жгла живот, путала мысли и лишала воли. Я шагал с огромным трудом, пошатываясь и спотыкаясь, почти физически чувствуя встречный поток. Шагал мимо дымящихся полей, изб с разбитыми окнами и дверьми, с замаранными подсохшей кровью стенами. Мимо мертвых, вскармливающих своими телами воронье, и груд мусора, что недавно имели вид посуды, мебели, одежды...

У крепостной стены мне повстречалась первая живая душа. В пыли у обочины вяло возился худой как палка мужчина, одетый в драную мешковатую робу. Пытался ползти, стонал, что-то невнятно шептал.

Невольно остановившись, я посмотрел на него. Лицо обожженное, на губах язвы, короткая борода спутанная и грязная. Бессвязное бормотание оказалось молитвой, пением. Но так охрип, что едва ворочал языком. Да и взгляд отсутствующий, абсолютно пустой. Тело корчилось на земле, а душа и разум витали где-то далеко.

Я скрипнул зубами и отвернулся, прошел в ворота. Через пару десятков шагов увидел других выживших. Высушенные как мумии и оборванные люди медленно брели в том направлении, что и я: дети и взрослые, женщины и мужчины.

И картина та же – следы пожарищ, разбитые телеги и дохлые кони, груды смердящего сора. Ветер носил по улицам пепел, протяжно завывал и свистел. Издалека долетал смутный шум, ропот толпы.

Головная боль усилилась, в солнечном сплетении невыносимо жгло. Но я терпел и шел на гул. Кто-то из фанатиков оглянулся – в глазницах полыхнуло золотистое зарево. Оглядывались и другие, отступали, давали дорогу и смотрели вслед.

Пристально, внимательно.

Город оказался не таким большим, как выглядел со стороны. Вскоре смутный гомон превратился в отчетливый шум множества голосов. Улица раздалась вширь, перетекла в площадь.

Дома здесь высокие и богатые, украшены статуями и фресками в старом стиле. Но все же обитатели купцов и мелкой знати блекли на фоне ратуши и храма, стоящих впереди. Хотя администрация скорее смахивала на просто разросшийся особняк, а вот прибежище монахов нависало над площадью, давило величием и годами – древнее мрачное здание с темными от времени стенами, толстыми колоннами и узкими стрельчатыми окнами.

Общую картину портили пятна краски на кладке. Кто-то замазал лики Падших богов, поверх намалевал солнечную символику. Хватало и копоты, и щепок, и битых стекол – очевидно служители бились до последнего, не поддавшись внушению чужого бога.

Народу на площади пруд пруди. Одни сидели на мостовой, другие жались к стенам, третьи валялись вповалку. И никого не смущало, что зачастую лежат в собственных нечистотах. На кого ни глянь – лица одухотворенные и возвышенные, глаза пустые, руки молитвенно сложены на груди.

Люди заунывно пели. Но когда я ступил на площадь, разом умолкли, начали оборачиваться. Десятки и сотни глаз, полыхающих золотом, обратились ко мне.

Если сначала было не по себе, то теперь стало откровенно страшно. Но понимая, что пути назад нет, я медленно пошел к храму. И словно подчиняясь беззвучной команде, народ начал расступаться. Движение настолько слитное, что сомнений больше не оставалось. К тому же вокруг чувствовалась одна аура... одна, а не множество!

По-видимому, Светозарный вселился разом в тысячу или больше людей.

Изумление еще не потухло, а впереди показалось крыльцо собора, сидящий на верхней ступеньке человек. Жадно прикипев взглядом, я сразу отметил – немолод, тощ и жилист. Кутается в рваный балахон служителя, будто мерзнет. Лицо узкое, вытянутое по вертикали и неприятное: заостренный нос, выдающаяся прямо-таки лошадиная челюсть. Лицо аскета и мыслителя, но в то же время – идиота, злобного фанатика.

Смутно знакомое лицо.

Остановившись у нижней ступеньки, я помолчал, стараясь не передернуть плечами, не дрогнуть. Мужчина взглянул на меня. И взгляд, полыхающий, колющий, удалось выдержать с огромным трудом. Жжение под черепом усилилось, возникло ощущение, что букашку разглядывает некто огромный и могучий. Причем букашка-то как раз я...

– Я тебя помню, – задумчиво сказал враг. Голос скрипучий, как металлом по стеклу. – Но откуда?

– Помню тебя, – эхом прошелестело со всех сторон.

– Помню... – вторило с дальних краев площади.

Все-таки пожившись, я ответил:

– Взаимно. Высоко поднялись, отец Бьярни.

На лице мужчины отразилось легкое сомнение, чистый солнечный свет в глазах немного притух, будто кто-то могучий дал человеку в себе чуть больше воли.

– Лохматый, – медленно произнес бывший служитель. – Да, точно, Порт-Дол. Судьба вытворяет смешные вещи, мы оба стали вместилищами для чего-то большего. Хотя, в сущности, не поменялось ровным счетом ничего. Я – уста Бога, ты – грязь, прилипшая к сапогам...

В голосе того, кто стал главным вместилищем Древнего, прорезалась неприкрытая угроза. Но я стоял и молчал, здраво предположив – раз пропустил так далеко, значит, испытал хотя бы любопытство. К тому же исходя из сказанного Кленом, мелкие стычки не в интересах Алара. Да, Мститель не сможет ему противостоять, но проредит ряды аватаров, и шансы в противостоянии с Мроном уменьшаться.

– Что тебе нужно? – проскрипел, наконец, Бьярни Торвальдсон.

– Хочу предложить сделку, – заявил я, немного приободрившись – угадал.

– Сделку? – бывший служитель криво усмехнулся. – И что *ты* можешь *мне* предложить?

– Помощь в борьбе с Терном, – сказал я, скривившись от боли – урод, подкрепил слова силовым всплеском, чуть не взорвал ядро. – Добровольную помощь. Мою и тех, кто стоит за мной, воинов и жителей Свободных Земель.

– Мерзкий безбожный край, – отрезал Торвальдсон. – Возвращенный моим братом.

– И в этом наше преимущество, – быстро сказал я. – Он не ожидает, что ударим в спину.

– А вы ударите?

– Мы можем. Капля камень точит. Кто знает, возможно, именно наше вмешательство позволит тебе нарушить извечное равновесие.

– Я возьму вашу землю и так.

– А успеешь ли? Терн подготовил армии, готов встретить на подходах к Дорамиону. Если пойдешь на юго-восток, укусит с фланга и тыла.

Я пожал плечами с самым равнодушным видом. А Бьярни надолго умолк, свет в его глазах разгорелся с новой силой. И кто знает, то ли обдумывал мое предложение, то ли размышлял, как прибить...

«Решайся! – рыкнул я про себя. Стиснул зубы и чуть отшатнулся. Стоять рядом с этим существом было невероятно трудно. Кожа зудела, энергетические каналы коллапсировали, ядро то тухло, то разгоралось и захлестывало Силой. Тело же отвечало слабостью, жжением в каждой клеточке... еще немного, и начнут отказывать органы, остановится сердце. – Решайся же!...»

Идея встречи с Аларом поначалу казавшаяся многообещающей теперь выглядела несусветной глупостью. И я мысленно ругался, чувствуя себя до омерзения беспомощным. Ни бежать, ни подраться. Рискнул осознанно, но видимо просчитался.

Похоже, Клен боялся не зря.

Скосив взгляд, я не сдержал дрожи, пробежавшей по спине. Светозарный смотрел отовсюду, глазами каждого из людей. Смотрел пристально, пронизывающе...

Но придумать что-либо успел, так как бог Света, наконец, спросил:

– Что вы хотите взамен?

– Жить, – ответил я с великим облегчением. – Ты победишь, изменишь мир. Но оставишь нас в покое. В награду.

– И почему я должен сохранять ваш рассадник мерзостей и вольнодумства? – хмыкнул бывший служитель. – Предавший раз, предаст и во второй. К тому же сильно сомневаюсь, что сумеете как-то помочь. Вы слабы.

– Ну, во-первых, многие убедятся в твоём могуществе после победы, – изрек я как можно убедительнее. – Будут славить как истинного бога. А во-вторых, не так уж и слабы...

Выдержав театральную паузу, я развязал бечевки на сумке и вынул бурый тканевый сверток. Сорвал испачканную рубаху, и швырнул к ногам Торвальдсона голову Клена. Раздался тупой удар, мокрое чавканье. Страшный мяч слегка подпрыгнул, остановился там, где я и рассчитывал – на предпоследней ступеньке.

Взгляды Древних встретились. На лице Кальвина отразился отчетливый ужас, а в глазах Бьярни – легкое удивление, потом удовольствие. Замедленно встав, бывший служитель наступил на голову собрата и надавил.

Послышался омерзительный хруст, по камням растеклась серовато-алая мякоть с осколками костей. Бог Света топнул еще раз, размазал останки. И одновременно на грани восприятия почудился второй толчок, призрачный. Что за заклинание применил Алар, я не понял, но уловил суть – нечто развоплощающее, из арсеналов Высшей магии.

То, что сделал Светозарный вызвало отвращение, хотя давно привык к виду смерти в самых поганных ее проявлениях. Но гораздо сильнее потрясло, с какой радостью, с каким искренним наслаждением и жестокостью светлый это проделал.

Я отшатнулся в смятении, сжал кулаки. Хотел спросить насчет решения, но в следующий момент Бьярни резко вскинул голову. Глаза бывшего служителя полыхнули так, что я не выдержал, закрылся рукой и устрешено попятился. Взвыл, чувствуя, как вздуваются волдырями кожа. Поскользнулся и упал на колено, с усилием встал. Развернулся и позорно бежал: расталкивая кого-то, натываясь на тела, вскрикивая от боли, каждую секунду ожидая удара и смерти.

Люди в толпе казались языками пламени. И я будто прорывался сквозь горящее поле. А попутно видел собственную тень: огромную и черную как уголь.

Очнулся где-то на одной из улиц городка: совершенно разбитый, измученный и обожженный, с дымящейся одеждой. Долго моргал сидя на коленях, пока не вернулось зрение, шипел сквозь зубы и пытался сотворить лечебное заклинание. Но не получалось, плетение просто сдувало потоком энергии в Астрале...

Алар лишь ненадолго показал истинную сущность, даже не бил. И короткий всполох едва не вогнал в могилу.

Услышав шаркающие шаги, я повернулся на звук и увидел вышедшего из-за угла оборванца. Грязный, смердящий, покрытый струпьями пожилой мужчина в одеждах, ранее являющихся платьем вельможи, остановился рядом и раздвинул потрескавшиеся губы в холодной ухмылке. Радужка глаз сверкнула жидким золотом, снова повеяло Силой.

– Я подумаю.

И все. Бродяга разом согнулся и постарел, напевая молитву, потащился в сторону площади. А я проводил устрешенным взглядом, с трудом встал и побежал к городской стене: не помня себя от усталости и боли, от пережитого испуга.

Лишь у ворот до меня дошел смысл сказанного и происшедшего. Светозарный мог убить, мог испепелить на месте так же легко, как развоплотил Клена. Но оставил жизнь, не сказав ни да, ни нет. Игра, намек – мол, суесться действуй, а я потом приму решение: или помилую, или казню.

Вполне в духе Древних. Но своего я таки добился. И самое главное – остался в живых.

Впрочем, радоваться не осталось сил. Как преодолел остаток пути, не помню, очнулся уже на пыльной дороге в пригороде. И тут свалился на обочину, ничуть не смутившись соседством с разлагающимися трупами и вороньем, долго лежал, приводил мысли в порядок, отдыхал.

Следовало убраться как можно скорей. Но я не мог пошевелиться, чувствуя себя хорошо пропеченной на костре куропаткой. И вместе с тем ясно чувствовал, что останься еще ненадолго – погибну. Или поддамся безумию, или просто сгорю в энергетическом факеле ауры божества.

Мир начал медленно тонуть в темноте, мысли разбежались, попрятались. Но на грани обморока воспаленный мозг синтезировал образ Мии. Не той, которую видел в Монраде, а лет на десять моложе – воздушной, с огоньками в глазах и чарующей улыбкой.

Застонав, я рывком отжался от земли, потом сел, усилием воли отогнал мглу перед глазами.

Долги нужно отдавать.

Я окинул затуманенным взглядом окрестности. Поднялся и отправился обшаривать ближайшие избы, отыскал несколько мотков плотной ткани, веревки и жердины. Свалил в кучу и задумался на минуту, рисуя в воображении эскиз. А затем принялся лихорадочно работать...

Больше всего конструкция напоминала огромную птицу. Костяк – переплетенные веревками палки, оперение – сходным образом зачарованная ткань. Наученный кое-каким опытом в гниющем Лугаре, я нарисовал снизу Знаки Воздуха. Но в отличие от неуклюжего летучего змея, данный агрегат получился составным: петли позволяли менять угол наклона крыльев, а специальные веревки – хвоста. Таким образом я надеялся маневрировать. Движущей же силой избрал комбинированные и сфокусированные Знаки, что выжиг на небольших дощечках по бокам хребтовой балки.

К концу работы в глазах начало плыть, я дважды сбивался. Зато выяснил, что кроме Знаков работает и гентская магия, хотя и с огромными потерями, порой искаженно. Должно быть, связано с тем, что большинство плетений являлись низкоэнергетическими и находились вне фазы того потока, что бил из города.

Последняя догадка давала пищу для размышлений и экспериментов. Скорее, и заклятия Серой школы можно изменить, подстроить. Но сие потребовало бы времени и упорной работы по изучению окружающего фона...

Как раз времени у меня и не было. И пусть бы имелось, я не хотел здесь задерживаться ни одного лишнего мгновения. Мозг кипел от воспоминаний о поглощенных Аларом людей, на глаза то и дело попадались трупы. Происходящее казалось противоестественным и ужасным.

Свет, считавшийся благом, сжигал землю, сжигал саму жизнь.

Заставив планер отлететь к ближайшей избе, я аккуратно повернул хвостом вниз и прислонил к стене. Затем подтянул ремни и закрепил рукоять клинка бечевой, покрепче пристроил сумку. Повернулся, принялся привязываться к механизму: сначала пояс, потом ноги и грудь. Руки засунул в специальные петли под крыльями, слегка подергал...

В иных обстоятельствах и не подумал бы, чтобы использовать столь ненадежный механизм. Но случаются и исключения.

«Лишь бы не убиться сдуру, – засомневался я. Посмотрел в сторону города и в очередной раз поежился от воспоминания о скоротечном и местами нелепом разговоре с Аларом. – Тьма! О чем я? Ведь чуть не подох... любая оплошность, иное стечение обстоятельств – и осталась бы кучка золы. Да и передумать для Светозарного как плюнуть. К демонам!»

И решительно активировав Знаки Воздуха, я оттолкнулся от земли.

Глава 4

– Стоять, людишки! – приказал орк-часовой. Помедлил и нехотя поправился: – Недомерки тоже ни с места.

– За недомерков ответишь, – огрызнулся Вельдр. Выпятил грудь, демонстрируя богатые латы и роскошную бороду. – Старшего позвал, быстро! Передай – высокие гости на переговоры явились.

– Высокие? – хмыкнул степняк, уставившись на вождя и Дьярви. Мельком глянул на Ирна и Сворла, но едва подметил закутанного в черный балахон Шеда, сразу поежился, будто прыгнул в холодный родник. – Ладно.

Не успел страж скрыться в сумраке, как невдалеке материализовались двое, будто из-под земли выскочили. Коренастые полуголые дикари со свирепыми плоскими мордами и мерцающими желтизной глазами. Обвешаны амулетами и изукрашены замысловатыми татуировками, одеты лишь в набедренные повязки, в руках огромные топоры.

Лезть к переговорщикам воины поостереглись, остановились шагах в десяти. Но то и дело поигрывали мускулами, скалились.

– Затея перестает мне нравиться, маг, – процедил Вельдр, украдкой взявшись за рукоять секиры.

– Мне тоже, – ответил Птиц, рассматривая орков. Про себя отметил – не зря назначили встречу после заката, в темноте видят как коты. Но с другой стороны не в самом лагере, а вынесли отдельный шатер ближе к границе Долины.

Ловушка? Кто знает. Ситуация в общем-то патовая. Они жаждут славных сражений и богатой добычи в землях людей за перевалом. И при должных стараниях смогут прорваться. Но потеряют часть Орды, что скажется и на дальнейшем победоносном походе.

Вероятно, вождь зеленокожих хотел договориться. Или просто схитрить.

Но и сам Ирн попал в трудное положение. Не пропустишь, и Долину раскатают в пыль, дашь проход – никто не поручится, что оставят в покое. Да и подставлять Край как минимум подло, а максимум – неосмотрительно и глупо.

Чародей задумчиво посмотрел на горизонт. Там, где небо сливалось со степью, появились первые звезды. Серые дымы кострищ тонкими столбами подпирали розовые облака, виднелись бесконечные холмики шатров и палаток. Звонко стучали топоры в недалекой роще, слышалась чужая речь – лающая, непривычная. Ветер приносил запахи дыма и навоза, сухих трав.

Воздух тонко звенел, словно сотни комаров кружили где-то в полумраке. Но нет, мелкие кровопийцы давно разлетелись. То звучала магия зеленокожих, искаженная, странная, но могучая. Птиц не понимал ее, хотя и чувствовал шаманов, источник Силы. И это не прибавляло спокойствия.

Может статься, что тревога Вельдра оправдана. Но и паниковать рано.

Мельком глянув на Грина, маг отметил – собран и внешне спокоен. Сам явился, когда началась суeta с организацией переговоров, предложил помощь. Жаль только, что разрешить конфликт не успели, даже сейчас студенты держались на расстоянии. И явно побаивались, что учитель достанет из-за пазухи вторую пару браслетов. А он бы и достал, если б не забыл в Роще, да и сомневался, что поможет. Эти руки себе перегрызут, но вместе работать не станут.

На самом деле Ирн предпочел бы взять с собой кого-нибудь другого. Вагни, Витара, того же Стерна. Но рыжего как бывшего гвардейца пожелал захватить Вельдр, а младший Гар ушел в Свободные Земли. Младших же чародей предпочел оставить в Башне – слишком слабы.

– Уйдем? – предложил вождь гномов.

– Успеем, – ответил Птиц. – Поговорим, раз хотят.

И будто услышав, в алых отблесках догорающего заката возник знакомый воин, рядом остановился второй – выше и массивнее, в кольчуге и толстом нагруднике.

– Великий ждет, – произнес орк-командир.

Не дожидаясь ответа, зеленокожий развернулся и затопал к шатру. Парламентерам же не осталось ничего кроме как проследовать. Но у самого входа степняк жестами указал на Ирна, Вельдра и Шеда: мол, вы внутрь, остальные подождут снаружи.

Разделять группу магу не хотелось, да и подозрения насчет ловушки вернулись. Но прежде чем успел возразить, подал голос предводитель гномов:

– Мы приглашены к костру?

Тон, каким Вельдр задал вопрос, заставил Птица проглотить заготовленную фразу.

– Да, – кивнул орк. – Я, вождь племени Диких Псов, Лгач Коготь приглашаю вас и ваших спутников сесть с нами.

Командир указал Сворлу и Дьярви на небольшой костерок невдалеке. Те нахмурились, но подчинились.

– Добро, – с явным облегчением сказал Вельдр, добавил для младших нарочито громко: – Мы принимаем приглашение.

Закон гостеприимства – сообразил маг. Немного успокоившись, кивнул высокородному гному и осторожно отодвинул полог шатра.

Убранство не впечатлило – голая земля, посередине небольшой открытый очаг, истекающий едким злым дымком, несколько ковриков из цельных волчьих шкур. Четыре факела разгоняли мрак, потрескивали и плевались смолой. А у дальней стены, сокрытый тенью, стоял хозяин жилища...

Багровые блики отражались на рельефной мускулатуре спины, озаряли мощные руки и толстые как молодые деревца ноги. Незнакомец на голову выше любого самого рослого поселенца в Долине, в ширине плеч мог тягаться с гномами. Но изумило не это.

На подступах к шатру Птиц ощутил дуновение магии и ждал, что внутри сидит, по меньшей мере, три десятка шаманов. Но не один, пусть и рослый орк.

Странно. И опасно, так как получалось, что единственный степняк обладал мощностью сравнимой с потенциалом семи-восьми серых магов уровня Ирна. Однако отступать поздно. В шатер вошел Вельдр, за ним равнодушным привидением просочился Шед. Хозяин обители медленно повернулся и жестом указал на коврики.

– Приглашаю.

Но гости так и остались стоять, изучая незнакомца. Орк облачен в набедренную повязку, высокие сапоги грубой выделки. Лицо плоское, как и у сородичей, черты по-звериному свирепые и угловатые, но гораздо более правильные и гордые. Глаза – тлеющие угли, взгляд внимательный и пронизывающий.

Хозяин шатра в свою очередь ухмыльнулся, мельком посмотрел на Вельдра и Птица, уставился на Шеда. И демон дрогнул, изобразил поклон.

– Приветствую, о великий Грох Топор.

Внешне Ирн остался спокоен, но только внешне. Земля, казалось, выпрыгнула у него из под ног, а в затылок словно врезался чей-то кулак.

Грох – орочий бог, упомянутый в записках Эскера. Но, откровенно говоря, чародей считал, что Гару померещилось, либо просто попался в один из мороков Преисподней. Иначе объяснить нелепый рассказ о встрече с существом древним как само время, нельзя.

Имя Топора частенько мелькало в летописях, встречалось наравне с выдающимися правителями людей и эльфов, Древними. Но эмоциональный налет, с которым описывали орка, позволял предположить о фольклорности образа. Многие историки времен Серого Ордена считали, что Грох – миф, нарицательный персонаж, коему приписывали подвиги реальных лично-

стей. И кто таков на самом деле неизвестно. Одни источники говорили о божественном происхождении, другие – о демоническом.

Но кое в чем летописцы сходились во мнениях. Грох всегда оставался героем своего народа, эдаким идеальным орком, носителем свободного и свирепого духа. И одновременно выступал антагонистом людских и эльфийских божеств, изображался жестоким монстром.

Но вот он, во плоти. Громадный воин с аурой дикой и необузданной Силы. Очень знакомой Силы...

– Надо же, – сказал Топор, глядя на Шеда. – Спутник моего освободителя. Забавны происки Судьбы. Можешь уйти, тебя не тронут.

– То есть? – задохнулся Вельдр, уловив подтекст. – Ты вызвал нас на переговоры. И теперь заявляешь, что убьешь гостей? А как же законы гостеприимства? Как же воинская честь?

– Кто сказал, что буду именно убивать? – спокойно возразил орк. – Могу просто привязать к столбам. Умрете сами.

– Но законы! – возмутился гном.

– Кто сюда пустил недомерка? – спросил Грох в пустоту. – Я бог, бородач. Если захочу, могу простить свой народ.

От такой наглости Вельдр потерял дар речи, в поисках поддержки посмотрел на чародея. Но тот не отреагировал, пытаясь разобраться в ощущениях. Плел крохотные и почти неведомые заклятия, изучал ауру хозяина шатра. Топор не призывал Силы, иначе маг почувствовал бы тени Стихий, астральные образы Престолов. Мощь исходила от вождя, будто тот сам являлся Источником...

И Птиц вспомнил, где видел подобное. Эскер! Один в один Эскер! Те же всплески, тот же обратный вихрь ядра. Очевидно, Грох одержим Духом, частичкой Хаоса. Но в отличие от Гара сроднился со своей второй ипостасью за сотни и тысячи лет, научился использовать.

Нет, не бог. Не демон. Но очень опасен и непредсказуем. Также это подводит к очередному неприятному выводу – удержать купол вокруг Долины не получится, как ни изошрайся. С такой подмогой шаманы пробьют оборону намного быстрее.

Разве что нанести упреждающий удар. Пробраться в стан зеленокожих, подготовить ловушки. К примеру, отравить ездовых волков. Или создать хитрое ментальное заклятие, которое заставит животных бросаться на хозяев. Плюс спящие бомбы, волна пламени способная поглотить лагерь...

Как провернуть, вопрос другой. Сложный, но в принципе затея осуществима. Поисковые заклятия каждого чародея, будь то шаман, колдун или волшебник действуют в определенных рамках частот и амплитуд. Пассивные магические чувства тоже. И Духи, вроде Мстителя, не исключение. Просто придется поработать, выйти за привычные рамки, с помощью артефактов четко настроить потоки энергии. Слова или жесты не помогут, слишком грубо. И не зря же изучал Эскера.

Ладно. Но для начала нужно уйти отсюда невредимыми...

Видимо аналогичная мысль посетила и Шеда. Потому что демон сделал шаг вперед, решительно произнес:

– Я прошу за них.

– Даже так? – хмыкнул орк. – Но почему ты думаешь, что послушаю? Тебе я ничего не должен.

– Но ты обязан Эскеру, – хрипло ответил демон. – Он – один из основателей поселения. Сейчас отсутствует, но когда-нибудь да вернется. И огорчиться, узрев такую благодарность...

– Как-нибудь возмещу убытки, – легкомысленно отмахнулся Грох. – Подарю ему десяток таких же деревушек... А может, и ты изменишь свое мнение. У меня есть, что предложить.

Тлеющие угли глаз, словно ветер раздул. Ирн вздрогнул, почувствовал ментальный поток. Но рыцарь не пошевелился, выдержал взгляд, хотя и показалось, что побледнел сильнее. Как во сне качнул головой, с огромным трудом выдавил:

– Нет. Щедро... но нет.

– Воин, – с непонятными нотками сказал Топор. – У людей тоже случаются правильные воины. И у тварей Преисподней.

Брови орка сошлись на переносице, а гладкий лоб пересекла горизонтальная морщина. Очевидно, зеленокожего терзали противоречия. Изначально хотел развлечься, одним ударом обезглавить дерзкую кучку людишек и гномов, что заступили дорогу. Но после слов рыцаря засомневался.

«Нужно выиграть фору, – подумал Ирн. И вдогонку с подозрением скосил глаза на рыцаря. – Что тебе предложили, родной?»

– Я отдам Долину, – вслух изрек маг.

Взгляд вождя степняков перебежал на чародея, на лице отразилась заинтересованность.

– Вот как?

– Да. Но ты позволишь нам уйти невозбранно.

– Без хорошей драки? – проворчал орк. Заметил, как дернулась щека у Птица, и клыкасто ухмыльнулся. – Ладно, переживу. Нет чести в избиении слабого. Но если я отпущу сейчас, а вы обманете?

– Тогда будет бой, – пожал плечами Ирн. – Как ты и хотел.

– Хм... верно, – вынужденно признал Топор.

– Но я могу предложить третий вариант, – быстро сказал чародей. – Альтернативный. И иных врагов, сражаться с которыми будет для народа орков не зазорно. Золота не обещаю, но слава не потухнет в веках.

– Люди за перевалом слабы, истощены постоянными войнами с соседями, – подхватил Вельдр, угадав мысли мага. – Страна разрушена и разграблена, ты не найдешь там ни чести, ни добычи.

– И у тебя появится шанс отдать долг Эскеру, – вставил Шед.

Все трое умолкли, пристально глядя на Гроха. Лицо того прикрыла тень, улыбка погасла. И лишь блики от факелов да очага продолжали скользить по телу, подчеркивая могучую стать, рельеф мускулов.

– Красиво поете, – ответил Топор, после непродолжительного молчания. – Каждый заливается соловьем, когда приставишь к горлу клинок. Но почему я должен поступить так, как хочется вам?

– Назревает война между Древними. И мы планируем в ней участвовать, – веско сказал Птиц, прямо посмотрев в глаза древнего орка.

– Кучка недоносков, что возомнила себя властителями Сущего, опять что-то делит? – прорычал Грох. – То-то показалось, Престолы дрожат. Один из этих уродов заточил меня в Преисподней, проклял...

– Тогда у тебя есть повод помочь нам, – кивнул маг. – Или вообще возглавить наступление.

– Да? – вновь улыбнулся степняк. – Уверен? Тогда скажи, на чьей стороне планируешь выступать, и я отвечу – друзья мы или враги.

– На своей, – отрезал Птиц. – Люди и гномы пойдут против богов. И светлых, и темных.

Последняя фраза явно озадачила орка, потому как умолк. Отвернулся и прошелся по шатру, посмотрел на пламя в очаге. На лбу возникли не морщины, а целые ущелья. Ирн почти физически почувствовал бурлящую в нем первобытную ярость. Готовую выплеснуться наружу, смести и изломать, что угодно. Но унял дрожь, так как ощутил и сомнения зеленокожего, и противоречивые эмоции.

Дух Хаоса властно требовал крови, но Грох противился, о чем-то напряженно размышлял. И когда сердце мага приготовилось ухнуть в пятки, поднял глаза на гостей, хрипло произнес:

– Я должен подумать. Вы можете лгать, чтобы спасти свои жалкие шкурки.

– Или говорить правду, – парировал Ирн.

– Да, – согласился вождь. – Но и полуправду тоже. Вполне по-человечески и по-гноми. А полуправда хуже лжи.

– Но ты нас отпускаешь? – поинтересовался чародей, жестом заставив Вельдра закрыть рот. Вспыльчивый и гордый гном оскорблено побагровел, готовился ляпнуть нечто вызывающее. Но, слава Создателю, проглотил обиду, смолчал.

– Пожалуй, – медленно сказал орк. – Я рискую, ведь могли задумать какую-то пакость. Хотя пускай... если и так, поплатитесь за глупость. Тогда я превращу ваше стойбище в пыль, а вас заставлю страдать.

– Поверь, перспектива не очень радостная. И мы воспринимаем угрозу серьезно, – произнес Птиц, склонив голову. – Перемирие?

– Три дня, – согласился Топор. – Я услышал вас, дам ответ.

– Меня устраивает, – скрывая облегчение, изрек маг. Оглянувшись на спутников и хотел шагнуть к выходу, когда был остановлен голосом Гроха:

– Не торопись, колдун. Сегодня, так и быть, вы гости.

Шагнув в один из темных углов шатра, орк вернулся с флягой, сделанной из цельной заячьей шкурки. Откупорил пробку, сделал добрый глоток, чем намекнул – не отравлено, и передал чародею. Тот слегка опешил, но сосуд принял, осторожно понюхал.

Воняло мерзко. Спиртом и чем-то едким, тошнотворным.

– Старый рецепт, забытый, – прогудел вождь степняков. – Такой браги сейчас не делают.

– Законы гостеприимства, – громким шепотом подсказал Вельдр. – Обижать нельзя.

Помянув про себя незлым тихим словом обычаи и заветы предков, то нарушаемые в угоду желаниям, то напротив исполняющиеся чересчур рьяно, Птиц едва смочил губы. И полностью оценил тона «букета».

Первое, что пришло на ум – чья-то похмельная рвота. Густо одобренная спиртом, тертыми мухоморами. Желудок взбунтовался, попытался вернуть подарок обратно. Но еще на полпути в пищеводе появилось жжение, факелы опасно покачнулись.

– Вижу, пробрало, – одобрительно рыкнул Грох. Отобрал бурдюк, отдал гному и важно добавил: – Главное – культура питья. Гирчаг оро! Лтцан мир даргор!..

Откинув занавеску, в шатер вошла парочка воинов, поставили у очага плетенку с хорошо прожаренным на костре бычком. Туша дымилась, истекала жиром. Ирн взмолился Создателю, чтобы хозяин не заставил сожрать все. И поежился, когда рядом послышался натужный кашель Вельдра, задушенное сипение:

– Бог Горы! Такой дряни я в жизни не пробовал. Хуже грибного самогона.

– А ты второй глоток сделай, недомерок, – посоветовал Топор. – Второй мягше идет.

Странно, но предводитель гномов не обиделся. Шумно выдохнул и собрал глаза в кучу, отпил еще. Мертвенная бледность сменилась живым румянцем, в мелких глазках вспыхнули тусклые огоньки.

– Верно, легче.

– Ешь, – посоветовал вождь степняков. И подал пример, выломав у бычка ребро с куском парующего мяса. Принял флягу, уселся на шкуру и сделал глоток, впился зубами в еду. – Мужчин объединяет три вещи: жестокая драка, добрая пьянка и совместное дело.

Как бы ни хотелось чародею уйти, но пришлось сесть вслед за Вельдром, и принять флягу, глотнуть едкой дряни. Конечно, успел проверить пойло заклятиями и отравы не обнаружил, с

помощью магии повысил свою устойчивость к алкоголю. Но продолжал терзаться подозрениями, тревогой. За учеников, за будущее Долины.

Кроме того заставляло нервничать и вынужденное безделье, потеря времени. Хотелось вернуться в подвал, начать разработку планов на случай любых решений Гроха.

Ко всему прочему Ирна обеспокоило поведение Шеда. Демон не нуждался в пище живых, угощаться не стал. И под тихую ругань впечатленного качеством выпивки гнома отступил к выходу, призраком растворился в ночи.

На мертвом бледном лице ничего не отразилось, но маг давно научился различать эмоции демона, сообразил – неспроста. Но последовать за рыцарем не мог, и это жутко бесило.

– Расскажи мне об Эскере, – потребовал вождь степняков. – Я жажду подробностей.

– Долго, – увиливал чародей, с помощью заклятий пытаюсь отследить Шеда. Однако уловил призраком неудовольствия в раскаленных глазах орка, сдался: – Я знаю только то, что записывал. История началась не сегодня, а предыстория уходит корнями в то время, когда существовал Серый Орден...

– Замечательно, – одобрил Топор. – Люблю сказания. Особенно те, где про клич и знамена, кровь, вываливающиеся кишки из утроб врагов.

– Крови по колено не обещаю, – вздохнул Птиц. Задумался, пытаюсь вспомнить прошлую жизнь, в которой его называли Мгиром. – Но по щиколотку...

И маг начал рассказывать. О конфликте между Окраном и Скифром, что позволил родиться Свободным Землям, о расцвете и закате, о взлетах и падениях, о некромантах, о происках эльфов и заговоре имперских служителей, ссоре с гномами, предательстве Леонида. Рассказывал скупой, чеканно, потихоньку подводя к событиям десятилетней давности. И между тем увлекся сам, заморожено перебирая исторические факты как древние, но красивые безделушки.

Зря. Потому что предчувствия не обманули.

Смутный говор за стенами шатра внезапно пререзал чей-то хриплый крик. Вопль подхватили, послышался скрежет стали, удары.

Взгляды орочьего вождя, гнома и человека скрестились. Все трое вскочили, ринулись под звезды, в свет костра. И первое, что узрели – Дьярви с секирой кружился на месте, неловко отбиваясь от ятаганов и дубин зеленокожих. Рыжий покачивался, дико вращал глазами и изрыгал проклятия. Смертельно пьян, легко ранен в плечо и голову, но готовился продать жизнь подороже.

– Сдавайся! – на плохом дорамионском рявкнул один из степняков.

В ответ Дьярви неразборчиво послал зеленого далеко и глубоко. Толпа отозвалась глухими выкриками и руганью, качнулась навстречу бородачу, грозя растоптать. Но раздался приглушенный хлопок, ярко полыхнуло – и пару десятков крепких воинов просто разметало как сухие листья. Послышались шлепки и стуки, хруст, изумленные стоны, костер потух.

– Что. Здесь. Происходит, – раздельно сказал Ирн. Зажег шарик света, шагнул вперед и хмуро посмотрел на ошеломленных орков, которые мотали головами, скалились и снова тянулись к оружию. Перевел взгляд на ученика – гном устало опустил на колено и мотал головой, стирал с щеки кровь.

И Сворла не видать. Тьма!

Кто-то из воинов успел подхватить ятаган, с криком «Бей шамана!» кинулся на Птица. Но кулак отвердевшего воздуха сбил дурака в прыжке и пригвоздил к земле как лягушку тележным колесом. Степняк дернулся, начал вставать, но второй удар вдавил в твердую иссушенную почву, из ноздрей хлынула кровь. Вокруг Дьярви вспыхнул купол оранжевого света, а в левой руке чародея появился невыносимо яркий сгусток пламени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.